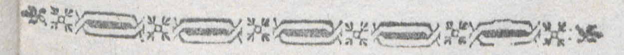

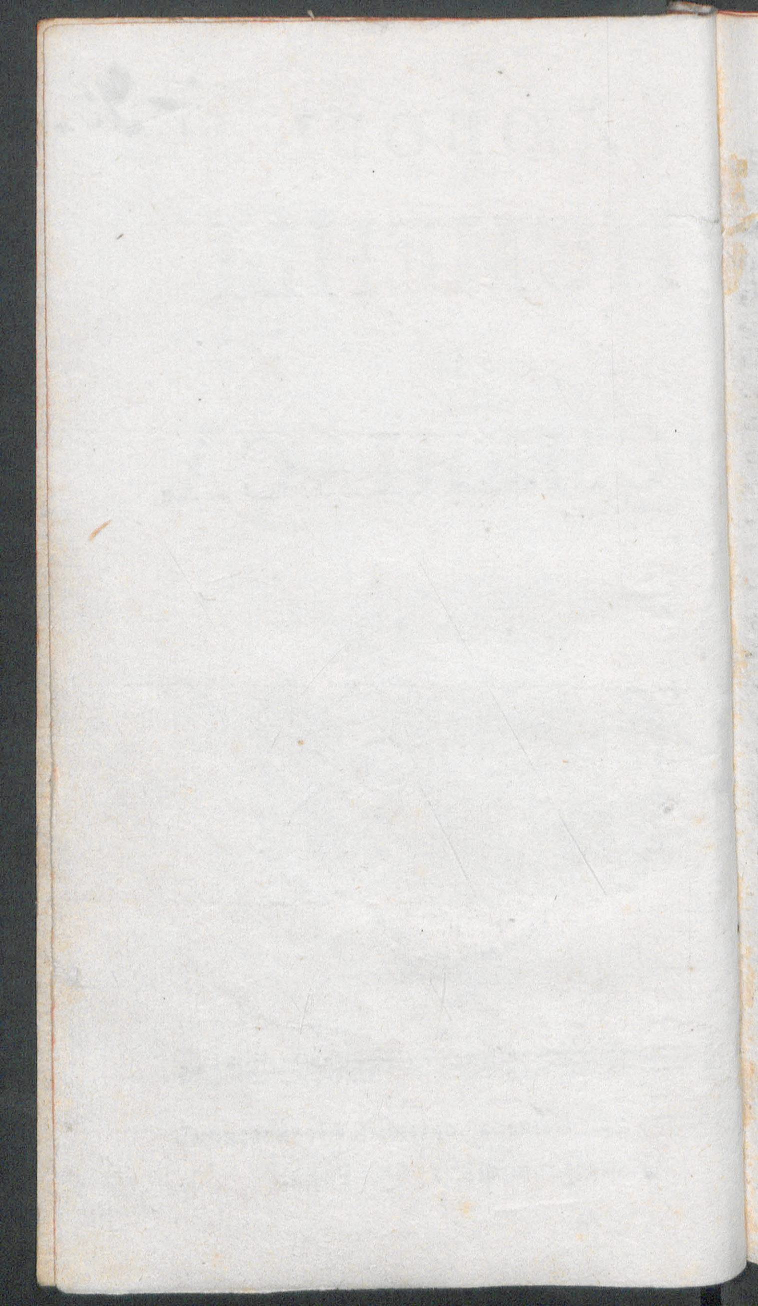

ЛЮБОВЬ ИСМЕНЫ И ИСМЕНІАСА.

Печатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1769. года.

ЛЮБОВЬ ИСМЕНЫ и ИСМЕНІАСА.

****

* * *

Городъ Еврикомъ имѣетъ прекраснѣйшее мѣстоположенїе изо всей Грецїи. Съ одной стороны окружаетъ его море; съ другой прїятные луга, орошаемые источниками и усажденные деревьями, представляютъ взору все, что натура имѣетъ прелестнаго въ простотѣ своей. Въ защищенїи отъ вѣтровъ корабли находятъ тамъ во всякое время пространное и спокойное пристанище: народы, привлекаемые вѣрностїю купечества, пристаютъ тамо въ великомъ множествѣ. Нравы обитателей прїятны; они примѣръ

и подражаніе Греціи. Будучи набожняе самихъ Аѳинянъ, благочестіе ихъ дѣлаетъ ихъ славными и почтенными. Служеніе храмовъ, попеченіе о жертвахъ, выборъ приношеній опредѣляемыхъ богамъ; вотъ въ чемъ состоитъ, такъ сказать, единственное ихъ упражненіе. Одни они имѣютъ должность установлять священные дни. Обряды ихъ великолѣпны и величественны. Юпитеръ ихъ охраняетъ, всѣ боги имъ благодѣтельствуютъ. По древнему обычаю, или точняе по ненарушимому законоположенію збираютъ они ежегодно въ храмъ Юпитеровъ изъ своего города молодыхъ юношей, которые еще не любили; изъ оныхъ выбираютъ по жребію для возвѣщенія дня празднованія сосѣдственнымъ городамъ. Должно, чтобъ будучи владѣтелями сердецъ своихъ при отшествіи были бы они равнодушны и при возвращеніи. Естьли жъ кто преступитъ сію существенную должность своего званія, строгое наказаніе ожидаетъ преступника при его обратномъ пришествіи. Я былъ въ числѣ избранныхъ и назначенъ въ Авликомъ, славной городъ Греціи. При выступленіи изъ храма увѣнчанъ лаврами и въ одѣяніи моего чина, народъ встрѣчаетъ меня съ шумомъ трубъ и соединяетъ съ своими восклицаніями самыя усерднѣйшія

тїя и страстнѣйшія желанїя. Одинъ поздравляетъ меня съ избранїемъ жребїя; сами боги, вѣщаетъ онъ, имъ расположили. Другой съ наполненными слезъ очами, что онъ не палъ на его сына, не оставляетъ однако меня дружелюбно обнять. Иной безъ всякаго собственнаго участїя желаетъ и предвѣщаетъ мнѣ благоспѣшное мореплаванїе, прочїя въ горячности усердїя своего вдаются всему, что ревность въ нихъ вселяетъ для изъявленїя мнѣ любви своей. Тѣснота умножается. Я такъ какъ посреди великой рѣки сильнымъ вѣтромъ возвѣваемой; одинъ духъ и одно сердце изображаютъ возхищенїя всеобщей радости.

Я оставляю случаи моего путешествїя. Прибываю въ Авликомъ. Меня прїемлютъ тамъ, не такъ какъ посланника боговъ, но такъ какъ самаго Бога. Множество народа меня обступаетъ: любопытство превозмогаетъ надъ почтенїемъ; я тѣмъ отягченъ. Улицы устланы миртами; воздухъ произноситъ прїятнѣйшей запахъ изящнѣйшихъ благоуханїй. Дѣвицы и юноши, увѣнчанные розами, украшенные прелестнѣйшими цвѣтами, насилу уступаютъ мѣсто знаменитѣйшимъ гражданамъ. Таковъ былъ Сократъ среди учениковъ своихъ. Кто изъ насъ, говорили они, удостоится

 щастїя

щастїя принять его къ себѣ? Кому даетъ онъ преимущество? Я былъ предметомъ общихъ желанїй, и собственно самъ по себѣ. Осмѣлюсь то сказать; казалось, что посолъ въ то время не долженъ былъ ничемъ величеству своего посольства. Бѣдственныя чести. Коликихъ слезъ и горестей вы мнѣ стоили!

Сосѳенъ превозмогъ надъ всѣми своими соперниками. Я вхожу на его колесницу: прибываю въ великолѣпной домъ, въ коемъ вижу себя повелителемъ; прохожу чрезъ всѣ его покои. Схожу въ садъ, истинное жилище чудесъ и наслажденїй. Плоды спорятъ тамо въ сїянїи съ цвѣтами. Порпуровость вїолетъ уступаетъ своимъ блистанїемъ порпуровости лозъ виноградныхъ, которой приклонясь къ землѣ своею тягостїю смѣшиваетъ одни съ другими; зрѣнїе тутъ обманывается. Тамъ я вижу розы. Однѣ неразвернувшїяся еще изъ пучковъ своихъ; другїя уже разпускающїяся: зефиръ, летая вокругъ ихъ, съ ними играетъ, воздыханїя его кажутся ихъ еще болѣе украшаютъ. Далѣе гїацинты, лилеи и амаранты подражаютъ смѣшенїю и живости цвѣтовъ, коими украшается посланница боговъ, когда она сходитъ возвѣщать намъ ихъ повелѣнїя. Тамо изобильно находится все, что можетъ произ-

весть

веть хитрость и прилѣжные труды садорастителя рачительнаго угождать своему господину. Угодливая натура соединяетъ тутъ всѣ времена года. Тутъ Флора и Помона во всѣхъ своихъ прелестяхъ и во всей своей славѣ.

Обпороженной пзоръ такими чудесами
Боится утперждать, что подлинно то (зритъ:
Не сонъ ли мыслитъ онъ ему тогда ма- (нитъ
И не одними ли онъ окруженъ мѣстами.

Восхищенъ, изумленъ, я мню быть въ садахъ Алциноусовыхъ; и все, что стихотворцы говорятъ о поляхъ Елисейскихъ, болѣе мнѣ не казалось дѣйствомъ ихъ воображенія. Нечувствительно я нахожусь при источникѣ: удобно было мнѣ ему удивляться; но неудобно будетъ мнѣево описывать.

Изъ дикой пещеры, гдѣ художество не дерзнуло ничего придать природѣ, истекаетъ прозрачная вода, коей влажной крусталь стремится въ протокъ устланной простыми камнями, и пробѣгая сквозь цвѣтущей лугъ, въ другой гораздо пространнѣйшей, впадаетъ наконецъ въ рѣку, которая, разливаясь по обоимъ сторонамъ вонъ изъ человѣческаго зрѣнія, заключаетъ прелестное сіе мѣсто. Вершина пещеры

осѣнлема всегда зеленѣющимися кустами. Никогда никто изъ смертныхъ не коснулся до нихъ недостойной рукою своею. Обѣ сїи протока усаждены по краямъ густыми деревьями, коихъ соединенные листы подаютъ тутъ вѣчную прохладу. Сладкая забывчивость, еще сладостнѣйшїй оной сонъ обитаютъ въ семъ уединенїи. Достопочтенной старикъ, Несторъ своего вѣка, свѣтлымъ видомъ, взоромъ наполненнымъ огня, размышлялъ тутъ о величествѣ боговъ и о ничтожности вещей человѣческихъ. Объятъ благоговѣнїемъ при его видѣ, я останавливаюсь страшась прервать его углубленїе. Покланяюсь божеству мѣста сего. Прекрасная Найада вѣщаю я ей, да можетъ всегда чистая и всегда услаждающая вода твоя, увеселять приходящихъ ея смотрѣть и утолять ею жажду свою. Да могу я и самъ научиться отъ тебя, что самая блистающая молодость протекаетъ такъ какъ струи быстрыхъ водъ твоихъ.

Сосѳенъ объявилъ мнѣ, что было уже время сложить съ себя торжественныя одѣянїя и итти садиться за столъ. Я слѣдовалъ за нимъ съ сожалѣнїемъ. Панфїя, жена ево, и Исмена дщерь его насъ встрѣтили. Отдавъ должности, коихъ требуетъ гостепрїимство, вошли мы въ пир-

шествен-

шественную салу; обѣдъ былъ достоинъ великолѣпія хозяинова. Принудили меня взять первое мѣсто; второе занялъ Кратисѳенъ, мнѣ спутешествовавшей. Кратисѳенъ искреннѣйшій изъ друзей моихъ, или точняе другой Исменіасъ. По насъ были жрецъ Юпитеровъ, Сосѳенъ и Панфія. Что принадлежитъ до Исмены, она стояла, отецъ ея поручилъ ей наливать вино, такъ какъ Геба въ небѣ наливаетъ нектаръ богамъ. Съ начала разговоръ былъ важенъ: мои гостепріимцы меня хвалили, ласкали; я скромно отъ того защищался: но видъ имѣлъ принужденной. Сосѳенъ то примѣтилъ, и зжалился на мое смущеніе: перемѣнили тотчасъ рѣчь, и невинная веселость во всѣхъ вселилась. Исмена держа въ рукахъ золотой кубокъ ко мнѣ подходитъ, подноситъ ево мнѣ; я краснѣю, потупляю глаза свои. Исменіасъ, сказалъ мнѣ Сосѳенъ, тебѣ надлежитъ зачать. Стыдясь принимать въ мои лѣта столько знаковъ отличности, я повинуюсь, пью здравіе Юпитерово и всѣ пьютъ оное взирая на меня.

Едва я могъ только взглянуть на Исмену, будучи важнымъ посланниковъ боговъ. Я упражненъ былъ только представлять свое достоинство. Взоръ испущенной изъ глазъ моихъ встрѣтился съ ея

глазами: сїя прїятная невзапность сме-
шенная съ удивленїемъ покрыла лице мое
нѣжнымъ румянцемъ; я остановилъ на ней
зрѣнїе свое, и не возмогъ ево отъ нея от-
вратить. Но это была одна невольная
дань, приносимая красотѣ ея: сердце мое
не имѣло въ томъ участїя: оно было еще безъ
всякаго движенїя. Столькожъ смущенна
какъ и я, Исмена вторично поднесла мнѣ
вина. Рука моя прикоснулась къ рукѣ ея,
и по возхищенїю, коимъ я овладѣть не
могъ, я оную сжалъ, и принималъ ме-
дленно кубокъ: но мнѣ казалось, что она
еще медлительнѣе мнѣ оной отдавала.
Боги! что мы стали въ сїю минуту? Я
не знаю. Какъ же то изобразить, чего
понять не можно? Мы были примѣчены.
Панфїя кинула на нея строгой взоръ, отъ
коего она задрожала. Сосѳенъ строжай-
шимъ еще взоромъ привелъ ея въ совер-
шенное смятенїе. Я былъ столько восхи-
щенъ, что совсѣмъ того не примѣтилъ.
Кратисѳенъ меня толкнулъ. Вдругъ, такъ
какъ человѣкъ пробуждающейся при краѣ
глубокой пропасти, я возчувствовалъ свою
неосторожность: но не имѣлъ силы въ
томъ раскаяться: всѣ были нѣсколько вре-
мени безмолвны. Кратисѳенъ страшился
обо мнѣ, я страшился о Исменѣ. Наконецъ
Сосѳенъ, пришедъ въ себя отъ своего дви-

женїя,

женія, обращается ко мнѣ. Исменїасъ, говоритъ онъ, почто въ день посвященной радости вдаемся мы въ уныніе? Такъ ли должны мы чтить Юпитера? Такъ ли стараемся торжествовать его праздникъ? Покажи намъ, что ты самъ чувствителенъ къ радости, которую намъ причиняешь. При сихъ словахъ смущеніе разсыпается: я вижу ясность возсїявающую на лицѣ Исмениномъ; я возпрїемлю свою. Она мнѣ еще многократно подноситъ кубокъ: я кажусь, принимать его безъ стремленія, и отдаю съ осторожностїю человѣка, которой начинаетъ разсуждать, и которой думаетъ, что за нимъ присматриваютъ. По нѣсколькихъ веселыхъ рѣчахъ, я беру Лиру; пою славу Самодержца боговъ, рожденіе Минервино, пораженіе Титановъ, наказаніе Ликаоново, награжденіе Филимоново, я представляю его сидящаго на тронѣ своемъ между безсмертныхъ, и потрясающаго однимъ своимъ мгновеніемъ небо и землю, и тѣмъ же самымъ мгновеніемъ утверждающаго всколебавшуюся вселенную.

Похвальные плески прервали пѣніе мое. Было уже поздно; встаютъ изъ за стола. Препровожденъ въ назначенной мнѣ покой, я вижу еще Исмену, послѣдуемую своими невольницами: красота ихъ можетъ толь-

ко уступить красотѣ госпожи ихъ, одна несетъ на головѣ своей золотой сосудъ съ благовонною водою; другая большой тазъ того же металла изъ чеканенныя божественнымъ Алцимедономъ, на которомъ было простерто полотно сложенно хитростно; третія несла въ алебастровомъ сосудѣ самыя драгоцѣннѣйшія куренія Аравійскія. Я принужденъ былъ дозволить, чтобъ воздали честь должную моему званію; они омыли мнѣ ноги. Законъ оправдаетъ то, что имъ уставлено; Исмена, сама Исмена ихъ отерла. Да не раздражатся тѣмъ боги, я скажу что въ сію минуту я думалъ быть Аполонъ моющейся среди часовъ. По совершеніи сего обряда, Исмена говорила мнѣ съ восхитительною улыбкою: Посланникъ Юпитеровъ, да ниспошлетъ тебѣ владѣтельствующее сіе божество спокойную ночь. Я хотѣлъ ей отвѣчать, но она вышла. Я ложусь на постелю: вскорѣ Морфей затворяетъ отягощенныя мои зѣницы; легкой и спокойной сонъ воображаетъ мнѣ дневныя приключенія. Я вижу ихъ въ порядкѣ послѣдующихъ одни за другими, или лучше сказать, я не вижу ничего кромѣ Исмены. Ея смятеніе, ея стыдъ, ея прелести начертаются въ моемъ воображеніи живѣе, нежели представлялись

ходили глазамъ моимъ; это не мечтаніе, это подлинность. Я съ нею говорю, слушаю ея съ удовольствіемъ, съ участіемъ, которое меня удивляетъ, однако льститъ; я спрашиваю у себя причины онаго, и той не нахожу: я перестаю оной искать, и не зная точно чему я вдаюся. Я впускаюсь въ движенія, кои меня прельщаютъ, упражняютъ, кои пріемлетъ мое сердце, кои дѣлаются ему природны и кои становятся ему нужны.

Между тѣмъ ночь оканчивала бѣгъ свой; заря, разсыпая мракъ ея, возвѣщала натурѣ возвращеніе Бога, ея оживотворяющаго. Карисѳенъ входитъ въ покои мои; онъ меня разбуждаетъ. Другъ мой, говорю я ему, почто приходишь ты смущать сладчайшія минуты жизни моей? Но ты самъ, перервалъ онъ отворяя мои окна и показавъ мнѣ, что солнце востекло ужѣ высоко, самъ ты Исменіасъ можешь ли погружаться долѣе во снѣ? Лѣность приличествуетъ ли посланнику боговъ? Они мнѣ ея простятъ, прервалъ я съ восхищеніемъ; они не ставятъ намъ въ беззаконіе своихъ благодѣяній. Тогда я разсказываю все, что со мною случилось: я говорю ему о томъ, что Исмена для меня здѣлала. Я говорю ему о томъ, не зная цѣны того, и едва оказывая за то нѣкоторую благодар-

 ность.

ность. Холодность моя показалась ему притворна: однако я отъ него ничего не скрылъ; дружба моя должна ему была отвѣчать за мою откровенность, удивясь найдя меня столь проста, онъ усмѣхнулся, и изъясняя мнѣ сію усмѣшку, Исмена, продолжалъ онъ, Исмена тебя любитъ. Щастіе, но совершенное! Я вижу, что ты ея не любишь. Но что такое есть любить, перервалъ я безпритворнымъ видомъ? Ты это со временемъ узнаешь; можетъ быть, день сей не весьма отдаленъ. — Но кто меня тому научитъ? — Тотъ, кто этому учитъ людей, животныхъ, и все, что только дышетъ; наисильнѣйшей изъ боговъ. Любовь, ихъ и нашъ повелитель. — Но кто мнѣ дастъ ея узнать? — Твое сердце, Исмена.

Отецъ ея къ сташѣ пришелъ пресѣчь разговоръ, которой начиналъ быть, мнѣ въ тягость; мнѣ стыдно было, что онъ меня предупредилъ: посѣщеніе его было недолго; онъ увелъ Кратисѳена, чтобъ дать мнѣ время одѣться. Я кликнулъ своихъ невольниковъ, и вскорѣ былъ въ состояніи соединиться съ сообществомъ, которое было весьма многочисленно: я долженъ былъ отвѣчать на привѣтствія; показалось всѣмъ, что я исполнялъ сіе съ нѣкоторою пріятностію. Исмены тутъ не

было;

было; я бы хотѣлъ ея видѣть. Однако отсутствїе ея сохранило мнѣ свободность разума, которой бы я при ней не имѣлъ.

Сей день не имѣлъ почти ничего примѣчательнаго; случаи были всѣ тѣже, что и во вчерашней. По окончанїи посѣщенїй разныхъ гражданъ, мы пошли смотрѣть верьхнюю часть сада, которой мы еще не видали. Красоты ея были совсѣмъ различны. Искусство употреблено тамъ было для одного увеселенїя глазъ.

Мы взошли на пространное поднятое насыпью мѣсто. На правой сторонѣ видны возвышенныя на подножїяхъ бѣлаго мрамора восемь изваянныхъ изъ мѣди статуй работы Вулкановой, или наилучшихъ учениковъ его? На лѣвой, устроены перила изъ Паросскаго мрамора: взоръ, простираясь на отдаленныя вершины прїятно распространяется по плодоносной долинѣ. Тамо Церера, превосходя желанїя несытаго земледѣлателя, разстилаетъ всѣ свои сокровища; позлащенные класы падаютъ подъ серпомъ его, вся земля ими покрыта: удивленной такимъ изобилїемъ хозяинъ толикаго имѣнїя приноситъ благодаренїе Богинѣ. Безчисленной рой неимущихъ находятъ въ однихъ остаткахъ его чемъ облегчить свою бѣдность. Тамо невольники палимые зноемъ солнечнымъ,

соста-

составляютъ гору многочисленныхъ скирдовъ; въ другомъ мѣстѣ волы стонутъ подъ ярмомъ отъ тягости сноповъ ихъ обременяющихъ.

Между тѣмъ какъ упражнялся я симъ зрѣлищемъ, Кратисѳенъ разсматриваетъ статуи: будучи тогда невѣдущъ я мимошедши только имъ подивился, я могъ быть тронутъ тѣми только предметами которые отъ глазъ шли сами собою къ моему сердцу. Но для него, которой протекъ всю Грецїю, и составилъ вкусъ свой среди чудесъ Аѳинскихъ, Ефесскихъ и Делфїйскихъ, онъ не могъ довольно ихъ разхваливать. Исменїасъ, говорилъ онъ мнѣ, видишь ли ты сего Геркулеса! Какая сила, какое изображенїе! какая истинна въ семъ тѣлоположенїи! Видъ спокойной, выступка твердая; онъ можетъ одной рукою поднять сїю страшную палицу коею кажется будто онъ играетъ. Левъ съ раскаленнымъ окомъ, крутящеюся гривою, на него рвется: зѣвъ его пѣнится кровїю; смертоносные его когти проливаютъ оную изо всего тѣла героева. Сынъ Алкменинъ усугубилъ свои усиленїя: ты не будешь сыномъ Юпитеровымъ доколѣ не совершишь своей побѣды, одинъ ударъ довершаетъ страшной бой сей, и разъяренной звѣрь съ раскаленною главою палъ

къ ногамъ твоимъ: теперь ты побѣдитель.

Вотъ, продолжалъ онъ, видъ веселѣйшей. Венера принимаетъ яблоко изъ рукъ Парисовыхъ. Можешь ли повѣрить смотря на нея, чтобъ кто нибудь могъ спорить съ нею о цѣнѣ ея красоты? Радость блистаетъ въ очахъ ея; она не умножаетъ своихъ прелестей: но представляетъ токмо ихъ во всемъ ихъ сіяніи. Сіи купидоны, играющіе ея поясомъ, веселятся ея побѣдѣ, и лукавыми своими усмѣшками ругаются смятеніемъ ея совмѣстницъ. Парисъ, не столько восхищенъ своимъ щастіемъ, какъ ослѣпленъ тѣмъ, что онъ видитъ: кажется, благодаритъ богиню за даръ, которой она ему посылаетъ.

Но чье сіе изображеніе? Величественной и грозной его взоръ вселяетъ ужасъ и почтеніе. Это Минерва, наказывающая Арахну за гордость. Это уже болѣе не та возносящаяся смертная, которая дерзала равняться съ нею; это дѣвица устрашенная. Трепетъ написанъ на лицѣ ея, тщетно она усиливается исторгнуть себя изъ божественной руки ея поражающей. Разсмотри ея одежду, кою она сама вышивала. Какая тонкость вкуса въ рисункѣ, какая чистота въ работѣ! Не скажешь ли ты, что она летаетъ по вѣянію

зефи-

зефировъ? Я не осуждаю отмщенія богини, но сожалѣю о участи ея соперницы.

Сей богъ возвѣщается самъ собою: хромъ, безобразенъ, короткіе волосы, густая борода. Онъ возбуждаетъ Циклоповъ, кующихъ перуны: ихъ молоты равно поднятые кажутся готовы вдругъ ударить на наковальню. Но что смотритъ онъ съ вниманіемъ смѣшаннымъ съ удовольствіемъ? Это сіи хитростныя сѣти, кои должны опутать Марса и Венеру, и представить ихъ на позорище собранному Олимпу. Они непроницаемы зрѣнію, удобнѣе ихъ чувствовать, нежели видѣть.

Здѣсь богиня въ самомъ болѣзнѣйшемъ состояніи. Страшной кабанъ разстерзалъ Адониса; Адониса веселіе очей ея, услажденіе сердца ея, радость души ея. Окровавленъ, обезображенъ, голова повисшая къ его колѣнямъ; она пріемлетъ послѣднія воздыханія его; горесть ея не можетъ быть ни жесточае, ни изображена живяе: не вселяется ли она въ тебя? злощастная богиня! Не можешь ты ни возвратить ему жизни, не можешь ты и умереть съ нимъ.

Тако Кратисеенъ толковалъ мнѣ сіи совершенныя произведенія искусства, такъ хотѣлъ онъ толковать мнѣ прочія; какъ не возмогши сопротивиться моему любопыт-

ву, вхожу я съ стремленïемъ въ салу,
ходящуюся противъ меня, внѣшняя огро-
мность меня поразила, не знаю чемъ такимъ,
которое все пеликое вселяетъ въ смотря-
щихъ на оное. Украшенïя самыя рѣдчайшïя,
самыя изысканныя, расположенныя одно для
другова, взаимно другъ друга возвыша-
ютъ. Четыре великïя óкна разтворяются
на четыре стóроны свѣта. Потолокъ при-
влекаетъ взоры, небомъ написаннымъ столь
естественно, что я думалъ, что это было
прямое небо. Птицы летаютъ, воздухъ
колеблется. Нѣсколько тонкихъ облаковъ,
разсѣянныхъ ненарочно, освящаемы луча-
ми солнца, которое течетъ исполиновы-
ми стопами; оно приближается на средину
своего бѣга, четыре картины наполняютъ
пространство, находящееся между оконъ.
Въ первомъ въ узорноначертанныхъ рамахъ
написано имя Аппеллесово; во второмъ
Зевксисово, подъ третьимъ Протогеново.
Но или живописецъ, не осмѣлился назна-
чить своего имени, или онъ хотѣлъ оста-
вить, искуснымъ достоинство угадать о
немъ. Четвертыя рамы были пусты. Я про-
бѣгаю ихъ глазами, разсматриваю ихъ со
вниманïемъ; стараюсь проникнуть таин-
ственной смыслъ изображенïй, составляю-
щихъ оные. Недвижимъ, погруженъ въ
глубочайшую задумчивость, мысли мои
про-

прочищаются, и паки застилаются побѣд-
жомъ; то, что я думаю, видѣть, не
что я вижу въ самомъ дѣлѣ. Такъ к
человѣкъ въ густотѣ ночной темно
усматриваетъ вдали слабой блескъ, кото-
рой освящаетъ ему путь на одну минут
онъ изчезаетъ; мракъ уеугубляется,
странствующей не знаетъ, гдѣ онъ на-
дится.

Знаешь ли ты, говоритъ мнѣ Красти-
венъ, дернувъ меня за-руку, знаешь л
что все сіе не для тебя устроено?
живописи могутъ заразить сіе равнодуші
которое ты ставишь столь драгоцѣнным
Ну, такъ я не хочу ихъ больше в
дѣть, отвѣчаю я ему, выходя съ поспѣ
ностію. Однако я довольно ихъ видѣл
чтобъ не сумнѣваться, что они здѣланы
славу любви. Огни, калчаны, стрѣлы
цепи, всѣ прочія его принадлежност
невольники всѣхъ возрастовъ, всѣхъ нр
вовъ, всѣхъ народовъ, увѣнчанные розам
кидаютъ страстные взоры на молоды
дѣвицъ нерачительно убранныхъ; они о
нихъ бѣгутъ: но даютъ себя высмотрѣ
прежде нежели скроются. О Венера, скол
сіи опасные предметы достойны сын
твоего! Все дышетъ нѣгою и роскошью
все манитъ къ увеселенію. Соблазнител
нѣе мягкой муравы древеса дѣлаютъ ст

побѣд

между прельстительнѣе. Щастливыя
ницы! вамъ ничего не стоитъ предаться
к[illegible]ямъ его, увеселенїе васъ награждаетъ:
но намъ, намъ стоитъ сїе покою, раз-
[illegible]да; а сего льстящаго удовольствїя, коимъ
[illegible] плѣненны, мы нигдѣ сыскать не можемъ.
Кратисѳенъ, которой лучше, нежели
самъ читалъ въ моемъ сердцѣ, гово-
рилъ мнѣ: сей богъ, противъ котораго
ты защищаешся, смѣется твоему супро-
тивленїю, или точняе сказать, ты ему
ничего не дѣлаешь. Пораженїе твое неиз-
бѣжно; но знаешь ли, что съ тобою по-
слѣдуетъ? Ты возчувствуя силу его, не
вкусишь его увеселенїй; это наказанїе не-
покоривыхъ. Онъ печется о нашемъ ща-
стїи, когда мы сами добровольно печем-
ся о его славѣ. Ехъ! перервалъ я, для
имени боговъ, для имени Юпитера, подъ
покровительствомъ коего мы сюда прибы-
ли, прерви разговоръ, которой стѣсняетъ
духъ мой. Охотно, отвѣчалъ онъ, нач-
немъ о другихъ вещахъ. Ты уподобляеш-
ся теперь тѣмъ страждущимъ, кои бы-
ваютъ снѣдаемы внутреннимъ жаромъ;
всѣ примѣчаютъ ихъ состоянїе: они одни
думаютъ утолить и разсыпать болѣзнь,
скрывая отъ себя оную. Я не хотѣлъ
узнать себя въ семъ подобїи; однако оно
было списано естественно.

Мы

Мы перемѣнили разговоръ; все, что видѣли, подало намъ пространное содержанїе къ разсужденїямъ. Возможно ли, говорилъ я ему, такъ переходить отъ самой величайшей простоты къ самой чрезвычайнѣйшей роскоши? Одно мѣсто можетъ ли содержать столько вещей между собою противныхъ! Но таковы суть человѣки, отвѣчалъ онъ мнѣ, крайности соединяются въ ихъ сердцѣ. Удивляются, что они такъ между собою несогласны, и не помышляютъ, что они почти всегда сами себѣ противны, подвигнуты, прельщенны настоящими предметами. Всякой разъ послѣдней кажется имъ лучшимъ, по крайней мѣрѣ онъ опредѣляетъ ихъ выборъ. Соотвѣтствуетъ ли онъ той, которой ему преслѣдовалъ? или нѣтъ? Сїе расмотренїе весьма бы имъ дорого стоило: они отъ себя его отгоняютъ и не оборачиваются никогда сами на себя. Они не примѣчаютъ несообразности своего поведенїя; но увѣряютъ себя, что и другїе того не видятъ. Безъ сей льстящей мысли, безъ сего убѣжища для самолюбїя надобно, чтобъ они были или всегда благоразумны, или всегда неистовы; посмотри до чего сїе доведетъ. Оставимъ искать изцѣлить ихъ отъ заблужденїя, дѣлающаго ихъ щастливыми; истинна

зала бы ихъ только смѣшными. Восхвалимъ боговъ, перервалъ я, что мы отъ того освобождены: ты премудръ, и я имѣю желанїе подражать тебѣ. Примѣръ твой, совѣты твои помогутъ мнѣ здѣлаться тебѣ подобнымъ. О возлюбленной мой Кратисѳенъ, сколь дружество твое мнѣ неоцѣненно! Сколь оно мнѣ нужно? Безъ него ничегобы я не здѣлалъ безъ погрѣшенїя, и въ званїи, коимъ я почтенъ, оныя были бы всегда чрезмѣрны. Впредь не льзя мнѣ будетъ быть незнаемымъ. Глаза̀ сограждан моихъ будутъ отверсты на мое поведенїе, естьли оное не соотвѣтствуетъ ихъ ожиданїю, естьли оно токмо не превзойдетъ онаго: чѣмъ болѣе они меня почтили, тѣмъ болѣе они меня презрятъ; всѣ пути ко щастїю мнѣ затворятся. Оставшись вѣчнымъ поношенїемъ славнаго рода: надобно будетъ, чтобъ или я себя изгналъ, или былъ для ней вѣчнымъ уничиженїемъ. Святая дружба! Ты меня спасаешь отъ состоянїя столь плачевнаго; ты умножаешь въ сердцѣ моемъ любовь къ добродѣтели: она вѣрная твоя соспутница; она любитъ любимыхъ тобою. Ахъ, Кратисѳенъ, почто не могу я вселить въ тебя тѣхъ чувствїй, коими я самъ теперь наполненъ! Благопрїятное божество, просвѣти умъ мой, да возмо-

ту

ту я принесть тебѣ хвалы тебя достойныя. Но какой невѣдомой жаръ дастъ мнѣ изреченія! Это ея вдохновеніе. Смертные внемлите гласъ мой. Дщерь неба! Ты са́мой сладчайшей даръ, которой боги въ любви своей ниспослали человѣкамъ; ты предваряешь ихъ желанія, ты предстаешь имъ сама собою, ты вселяешся въ сердца̀ пріуготовленныя тобою твоему прiятiю . . . Нечестивые тебя не поминаютъ; то, что они зовутъ дружествомъ, одно токмо пустое привидѣніе. Узы ихъ связывающія, не имѣютъ ничего чистаго, ничего непорочнаго; взаимная ихъ нужда другъ въ другѣ, дѣлаетъ основаніе ихъ соединенію, самыя усерднѣйшія предложенія, самыя нѣжнѣйшія увѣренія относятся только къ произносящимъ оныя. Они даютъ изъ самолюбія; пріемлютъ изъ любоимѣнія. Благодарность, возбуждаемая въ нихъ благодѣяніемъ, есть чувствіе пристрастное, пребывающее въ ихъ дотолѣ, доколь поддерживается оно надеждою; не полученныя добродѣянія ихъ трогаютъ, но ожидаемыя: обманутся ль они, тотчасъ разсыплются и изчезнутъ. Вопіютъ противъ неблагодарности друзей своихъ; зло употребляютъ именемъ: неблагодарные никогда не любили. Какое различіе съ тѣмъ,

что

что въ насъ происходитъ! Одни вкусы, одни желанія, одна воля; радость и скорбь, все намъ обще: ты не можешь ни дышать ни быть щастливъ, какъ только во мнѣ; я не могу ни дышать ни быть щастливъ, какъ только въ тебѣ: душа твоя во мнѣ, моя въ тебѣ. Сладостное соединеніе! Сладчайшія восхищенія! Вы не вмѣщаетесь въ предѣлахъ разума! Вы участь сердца: оно одно вами владѣетъ, оно одно даетъ васъ чувствовать.

Кратисеенъ засмѣяся, перервалъ восторгъ мой, говоря мнѣ такимъ образомъ: ты думаешь, что я долженъ тебя благодарить за всѣ лестныя изъясненія, кои ты мнѣ оказалъ: нѣтъ, дражайшій мой Исменіасъ, я благодарить тебя за сіе не стану: сіе возжетъ ревность въ Исменѣ. Попеченіе сіе принадлежитъ одной ей. Все то, что думаешь ты чувствовать ко мнѣ, ты это чувствуешь къ ней: ты прельщаешся: ты мнилъ, что хвалишь и описываешь дружество; но ты хвалилъ и описывалъ любовь: не льзя о ней столь хорошо говорить и ея не чувствовать. Предвѣщаніе мое збылось: ты любишь; не будь упрямъ въ своемъ притворствѣ, ты сгараешь. Ну, что жъ! сказалъ я ему воздохнувши, хочешь ли ты меня довести до отчаянія твоими насмѣшками? Я не

нюблю и не хочу любить. Вмѣсто того чтобъ подавать сему немилосердному богу противъ меня оружїе, ты бъ долженъ былъ мнѣ вспомоществовать противъ него защищаться. Я! перервалъ онъ, я, восопротивлюсь богамъ! Они меня накажутъ. Ты самъ, ты самъ на меня вознегодуешь. Юпитеръ, возопилъ я, всѣ предаютъ меня; тебѣ осталось меня избавить. Пойдемъ, продолжалъ я, пойдемъ во храмъ довершить должность моего посольства; и естьли одно бѣгство можетъ исторгнуть меня отъ напасти, мнѣ угрожающей, удалимся скорѣе отъ мѣстъ столь бѣдственныхъ моей невинности. Нѣтъ, Кратисфенъ, я готовъ возвратиться въ Европу съ тобою; и естьли ты думаешь, что зараженныя Исменины удобны здѣсь удержать меня, удали меня отъ очей ея; естьли жъ противъ воли моей отрекусь я тебѣ послѣдовать, здѣлай мнѣ насилїе, повлеки меня неволею. Говоря тако прижалъ я его къ своему сердцу, слезы мои оросили лице его: я стеню, испускаю тяжкїя воздыханїя; сердце мое стѣсняется, и дышать болѣе не могу. Къ совершенному огорченїю надлежало себя принуждать въ семъ жесточайшемъ состоянїи. Сосѣеъ насъ искалъ: мы его увидѣли, онъ съ нами соединился. Кратисфенъ завелъ

ним

тимъ рѣчь, чтобъ дать мнѣ время притти въ себя отъ моего смущенія, или по крайней мѣрѣ утаить его наружно. Упражненъ ли онъ былъ другими вещами, или я здѣлалъ усиленіе надъ собою: казалось, что онъ не примѣтилъ моего замѣшательства. Поставлено было кушанье. Я вхожу твердо вознамѣрясь не смотрѣть на Исмену. Я не знаю, какое божество меня подкрѣпляло; но я находился въ тишинѣ, коей я внутренно радовался: не знаю и того, не дерзнулъ ли ужѐ я въ мнимой своей безопасности презрѣть любовью. У́жинъ былъ несравненно великолѣпнѣе прошедшаго; удобно было видѣть по нѣжности и рѣдкости ѣствъ, что Сосѳенъ вчера представилъ оной невзапно. Я имѣлъ свободность разсмотрѣть все учрежденіе. Исмены тутъ не было, я привыкъ къ ея отсутствію, былъ спокоенъ, или по крайней мѣрѣ думалъ быть онымъ. Юпитеръ, вѣщалъ я тайно, благодарю тебя, что ты произвелъ во мнѣ столь скорую и столь щасливую перемѣну. Увы! Юпитеръ самъ игралъ моею слабостію.

Два часа протекли безъ чувствительнаго движенія, безъ явнаго безпокойства съ стороны моей. Ужѐ я льстился, что напасть миновала. Пиръ оканчивался; хотѣли только встать изъ за стола: пла-

чевная минута! Исмена, въ препровожденіи самыхъ прекраснѣйшихъ дѣвицъ Авликома, входитъ съ скромнымъ видомъ; при семъ зрѣлищѣ всѣ восклицаютъ: взоры собранія раздѣляются между столькихъ восхитительныхъ предметовъ, они не знаютъ на которомъ остановиться. Мои скоро опредѣлены были. Исмена, ты ихъ всѣ имѣла! Вся душа моя перешла въ глаза мои. При звукѣ ея лиры подруги ея то соединяются, то вдругъ расходятся; все, что искуство танцованія, все, что естественныя пріятности, предводимыя и оживляемыя Исменою, произвести могли, было ими исполнено: между тѣмъ Сосоенъ повелѣваетъ дочери своей запѣть; всѣ умолкаютъ. Боги! какой голосъ! какая пріятность! какая стройность! какой вкусъ, какая живость! Не Филомела ли это? Не Сирены ли? Нѣтъ, это Исмена. Я былъ объятъ, восхищенъ. Кратисоенъ весьма много меня примѣтилъ. Хочешь ли ты, сказалъ онъ мнѣ на-ухо, хочешь ли теперь отправиться въ Еврикомъ? Едва я слышу, что онъ мнѣ говоритъ. Обольщающее увеселеніе, сколь ты мнѣ стоило дорого.

Всѣ наконецъ розошлися: небо было ясно: глубокая тишина царствовала во всей натурѣ; я одинъ былъ волнуемъ: суетно при-

ризываю я покой, онъ далеко бѣжитъ
тъ меня. Смущенїе мое множится паче
сѣмъ, чѣмъ я стараюсь разсыпать его:
но чрезмѣрно, и возрасти больше не мо-
жетъ; я имъ отягченъ, но столь же живо
его чувствую. Сколь я безуменъ! Я хочу
еще скрывать отъ себя причины онаго. Я
встаю, хожу скорыми стопами, вдругъ
останавливаюсь, бросаюсь опять на посте-
лю, мечусь съ нея какъ съ зажженнаго
струба. Подобно какъ молодая Серна,
уязвленная отъ Нимфы Дїанниной въ лѣ-
сахъ Цїнфинскихъ: тщетно усиливается
исторгнуть стрѣлу ея раздирающую, она
наполняетъ воздухъ воплемъ своимъ,
мчится всюду, куда несетъ болѣзнь ея,
но носитъ ея вездѣ съ собою, ничто ея
не облехчаетъ.

Я находился въ семъ мучительномъ
состоянїи, какъ вдругъ среди ночи бли-
стающей свѣтъ поразилъ глазà мои; я
слышу ужасной стукъ, подобной грому.
Сидящей на великолѣпной колесницѣ Ку-
пидонъ представляется мнѣ во всей своей
славѣ, окруженъ несчетнымъ множествомъ
подданныхъ Исменїасъ. Вопїютъ они всѣ
мнѣ, познай вседержителя природы, пади
предъ нимъ и обожай его. Я бросаюсь
къ ногамъ его, не зная самъ, что дѣлаю.
Купидонъ, держа натянутой лукъ въ ру-

кахъ своихъ, грознымъ взоромъ, лицемъ пылающимъ гнѣвомъ, отвергаетъ принужденное мое приношенїе. Это ты, говоритъ онъ мнѣ, дерзновенный, смертной противящейся власти моей? Одинъ ты думаешь отъ меня избѣгнуть. Сей богъ коего ты называешся послаинникомъ, сей богъ мнѣ не сопротивляется. Умри дерзкой! Я не хочу болѣе сердца твоего, которого ты мнѣ добровольно не отдалъ, хочу крови твоей, такъ какъ жертва ожидающая отъ жреца своего закланїя ожидалъ я смертнаго удара. Рука была поднята; лукъ напряженъ, нещастная стрѣла готова была летѣть, и его отмщенїе исполнится, я ожидалъ только смертнаго удара. Вдругъ востаетъ смятенной шумъ удивленїя; Купидонъ останавляется и смотритъ. Благоговѣйное молчанїе объемлетъ всѣхъ препровождающихъ его. Я оглядываюсь: вижу Исмену, розовой вѣнокъ на головѣ и пукъ цвѣтовъ въ рукахъ ея; она подходитъ робкимъ видомъ, коего всѣ движенїя учреждаемы были Грацїями. Падши къ ногамъ бога, она обнимаетъ его колѣна, орошаетъ ихъ своими слезами, она не смѣетъ говорить, она не имѣетъ къ тому силы. Купидонъ понимаетъ велерѣчивое сїе молчанїе. Какъ, Исмена! возгласилъ онъ, подымая ея: ты

ста

старается, ты плачешь о неблагодарномъ, презирающемъ мою власть, и твои прелести! Дай мнѣ его наказать, и моя и твоя слава просятъ его смерти. Повелитель боговъ, говоритъ она ему, скромнымъ голосомъ, Исменiасъ тебѣ больше не супротивляется; онъ твой невольникъ, онъ воздыхаетъ, онъ любитъ. О Исмена! ты проникла въ мое сердце. Тогда она отдала мнѣ розовой вѣнокъ свой, я принимаю его изъ рукъ ея, самъ надѣваю его себѣ на голову: Купидонъ укрощается, всѣ радуются его побѣдѣ, и все изчезаетъ.

Удивленъ и восхищенъ моимъ приключенiемъ, не домышляюсь я, радоваться ли мнѣ или тужить должно. Состоянiе мое открылось: я знаю страсть мою, знаю предметъ ея; я наполненъ прiятнѣйшими мыслями: воображенiе мое мчитъ меня; я летаю на крылахъ надежды. Лестныя мечтанiя, куда вы бѣжите? Почто вы меня самому себѣ оставляете? Самыя жесточайшiя движенiя колеблютъ мною; я горю огнемъ, коего жаръ меня снѣдаетъ. Куда несутся желанiя мои? Исмена, прiди раздѣлить со мною восхищенiя мои, уступи нетерпѣнiю моему, щастiе мое написано на очахъ твоихъ; мои являютъ тебѣ всю душу мою. Кто можетъ удер-

жать тебя? Какія чудовища. Останавливають меня на пути моемъ? Я леденѣ отъ холоднаго ихъ яда. Свирѣпое волненіе я не могу болѣе снести тебя.

Разбуженной моимъ воплемъ, моими рыданіями, Кратисѳенъ входитъ въ покой мой. Другъ, говорю я ему воздыхая любовь мнѣ отмстила: она истощила надъ моихъ сердцемъ всѣ стрѣлы калчана своего, все пламя огней своихъ; я люблю но полно на что тебѣ то сказывать? Слезы довольно то кажутъ, и смущеніе мое кажетъ еще то болѣе; я люблю продолжалъ я прерывающимся голосомъ. О Юпитеръ! о Венера! о Исмена!

Кратисѳенъ отвѣтствуетъ жалобамъ моимъ великимъ хохотаньемъ. Я боялся, говоритъ онъ мнѣ, чего нибудь другова: успокойся лучше и старайся заснуть. По сихъ словахъ, онъ хочетъ меня оставить: я его удерживаю; дѣлаю ему подробное описаніе ярости Купидоновой, угрозъ его и его побѣды. Исмена, продолжалъ я, Исмена спасла жизнь мою, чемъ я ей не долженъ? Исмена здѣлала меня нѣжнымъ, чувствительнымъ: и она пребудетъ вѣчнымъ предметомъ моей нѣжности и моей чувствительности; любовь не имѣетъ ужъ больше стрѣлъ, она не можетъ уязвить меня для другой. Наконецъ перервалъ

Кра-

Кратисеен, я тебя вижу въ такомъ состоянiи, въ какомъ желалъ видѣть: ты любишь и страсть твоя тебѣ любезна; ты упражненъ только ею, ты говоришь только о ней: я выслушаю тебя завтра; сонъ меня отягощаетъ, прости: онъ уходитъ. Я паки остаюсь одинъ, паки утопаю въ своихъ размышленiяхъ. Нечувствительная тишина послѣдуетъ моему волненiю; прiятное прохлажденiе разливается по всѣмъ чувствамъ моимъ, я засыпаю. Любовь! сонъ почитаетъ права твои: послушливыя мечтанiя берутъ на себя всѣ образы, какiе тебѣ угодно дать имъ; они веществуютъ въ воображенiи тѣхъ, къ коимъ ты ихъ посылаешь. Это ты, прекрасная Исмена: ты потупляешь глаза свои? Ты молчишь; что вижу я? кажется ты отъ меня бѣжишь. Постой: я ужъ болѣе не тотъ несмысленной Исменiасъ, которой не чувствуетъ цѣны благодѣянiй твоихъ, которой не смѣетъ взирати на тебя, которой хочетъ укрыться отъ прелестей твоихъ; я любовникъ страстной, стремительной: веселись плодомъ твоимъ. Чего ты страшишся? Постоянство мое оправдитъ живость желанiй моихъ. Я беру руки ея, осыпаю ихъ цѣлованiями, сжимаю ея въ своихъ рукахъ; все пламя сердца моего переходитъ въ

уста мои, я прилѣпляю ихъ къ устамъ ея: она вырывается: хочетъ убѣжать; любовь ея удерживаетъ, она разсыпаетъ страхъ ея, усугубляетъ дерзость мою; наши воздыханія смѣшиваются, глаза ея наполняются прельщающею томностїю; она смущается, безпамятѣетъ. Прелестной безпорядокъ! Полкъ услужныхъ Купидоновъ разгоняютъ стрѣлами своими стыдъ, которой потупя глаза свои, убѣгаетъ. Любовь, для чего покрываешь ты завѣсою своею уста мои? Не бойся ничего, вѣрься моей скромности. Исмена ты плачешь; силы твои оживляются, гнѣвъ твой меня тревожитъ, самыя страстнѣйшїя восхищенія должны ли казаться досадны любовницѣ, которая ихъ раждаетъ? — Дражайшей Исменїасъ, умѣрь живость оныхъ, пощади слабость мою; то почитаютъ, что любятъ: естьли ты меня любишь, слезы мои должны удержать тебя; естьли жъ не любишь, ты чрезмѣрно свирѣпствуешь меня столь жестоко понуждая. Я боялся раздражить ея; но стыдился уступить ей, странное дѣйствїе любви! Я не смѣлъ одержать побѣды, за которою гнался столь ревностно. Исмена ты здаешся: какое препятствїе тебя остановляетъ? Зрѣнїе мое помрачается, я ищу тебя повсюду, и нигдѣ не

не обрѣтаю: остаюсь безсиленъ и безгласенъ; восщаютъ во мнѣ незнаемыя мнѣ движенія; сердце во мнѣ бьется; все тѣло мое трепещетъ. Я пробуждаюсь. Боги! естьли заблужденіе сна имѣетъ столько прелестей, какая же должна быть сладость забавъ истинныхъ? Возвратись сладостное прельщеніе! Суетно тебя я призываю; Морфей затворился ужѐ въ своихъ чертогахъ. Не могу я ни встать, не могу ни заснуть. Я утопаю во множествѣ смятенныхъ думъ, коихъ я разобрать не стараюсь; я воображаю съ веселіемъ всѣ подробности сновидѣнія моего. Воспоминать о мечтательномъ щастіи, что мѣнять одну химеру на другую; и такъ какъ говоритъ стихотворецъ.

Плѣняясь иногда единымъ припи-
(дѣньемъ
Нашъ ослѣпленной умъ питается
(прельщеньемъ,
И обольщая взоръ пріятною мечтой,
Манитъ себя собой найденной суетой.
Природа скрылъ отъ насъ прямое
(утѣшенье,
Не рѣдко сей обманъ даетъ намъ въ
(облегченье.

Между тѣмъ румяная заря прогоняетъ темноту ночную, и убѣгая сама отъ взоровъ свѣтоносцнаго бога, стремится вверг-

 гнуться

гнуться въ объятія смертнаго любимаго его. Я иду искать Кратисоена; мы сходимъ въ садъ, я прохожу въ салу. Картины сіи, кои мнѣ вчера казались столь опасными не соотвѣтствуютъ ужъ болѣе понятію, которое я возъимѣлъ о любви: изображеніе ихъ слабо, неодушевленно. Живописецъ, ихъ начертавшей, конечно не любилъ, онъ бы придалъ любви больше пріятностей, больше огня, больше прелестей. Невольники, окружающіе ихъ, не имѣютъ сего вида томности, восхищенія, которое переходитъ въ глаза, которое наполняетъ, которое проницаетъ прямыхъ любовниковъ. Но что воскричалъ я! между сими прекрасными предметами, я не зрю Исмены. Или не смѣлъ онъ написать ея? или чувствовалъ онъ, что природа переходитъ иногда за предѣлы воображенія, и что искусство можетъ придать совершенства только тому, что оно само изобрѣтаетъ, однако оно пребываетъ всегда ниже подлинности? Нѣтъ, нѣтъ, онъ имѣлъ причину позабыть Исмену: чемъ бы ему осталось изобразить Купидона? Она бы украсила тріумфъ его, она бы помрачила самаго побѣдителя.

Вдругъ перемѣня рѣчь, я обращаю къ богу слова сіи, кои удивляютъ Кратисоена. Довольно, любовь, ты превозмогаешь:

ешь: нѣтъ больше для меня Еврикома; отечество Исменино стало моимъ отечествомъ, и я съ сего часа гражданинъ Авликома. И такъ, перервалъ онъ у меня строгимъ голосомъ, Исменiасъ забываетъ, что онъ посланникъ Юпитеровъ, и перейдя отъ одной крайности въ другую, онъ безудержно поддается страсти, которая была предметомъ всей его боязни! Исменiасъ, гражданинъ Авликома! Боги, не во снѣ ли сiе я слышу? Или ужѐ забвенно тобой что ты долженъ себя нѣжной горячности отца тебя любящаго? Или не помнишь ты, что плачущая мать тебя ожидаетъ? Предметъ ихъ увеселенiя и печали, хочешь ли ты умертвить ихъ? Кто приметъ послѣднiя ихъ воздыханiя? Кто затворатъ имъ очи? Неблагодарной сынъ! не востаетъ ли природа въ твоемъ сердцѣ? Свирѣпой другъ, возопилъ я; но не ты ли погубилъ меня: я хотѣлъ убѣгнуть; было еще время: ты меня не допустилъ. Къ кую избираешь ты минуту меня отъ самаго себя отторгнуть? О Темисоей, о Дiанфiя! злощастной сынъ вашъ, не имѣетъ ужъ больше силы слушать своей должности: немилосердая любовь дѣлаетъ его нечувствительнымъ къ горячности вашей, къ слезамъ вашимъ, и ко всему, что только не Исмена. Повелительной

 гласъ

гласъ чести тщетно усиливается быть услышанъ; честь сїя, коей права были мнѣ столь драгоцѣнны, производитъ одни только безсильные звуки, которые когда доходятъ до ушей моихъ. Тако говоря, взиралъ я на Купидона: онъ веселился моею слабостїю, я веселился и самъ безчестною жертвою кою я ему приносилъ моимъ разумомъ.

Кратисѳенъ взиралъ на сїе съ презрѣнїемъ. Я признаюсь, сказалъ онъ мнѣ, что я предвѣщалъ тебѣ, что ты любить будешь: я дѣлалъ еще и больше, я сражалъ сомнѣнїя твои; приготовлялъ сердце твое къ полученїю изображенїй, кои Исмена произвести въ немъ была достойна: я предвидѣлъ, что родясь чувствительнымъ, ты сопротивляешся отъ одного стыда и робости; тѣмъ ли я погубилъ тебя? Возмогъ ли я представить, что любовь, раждающая и множащая добродѣтель въ сердцахъ благородныхъ, твою разрушитъ? Нѣтъ, дражайшїй мой Исменїасъ, я лучшее имѣлъ о тебѣ мнѣнїе; я не покинулъ его еще: преодолѣй себя; сраженїе трудно: но слава его награжденїе. Люби Исмену, я соизволяю, но люби образомъ ея достойнымъ. Таинство должно быть отъ любви неразлучно; малѣйшее разглашенїе погубитъ и тебя и ея; ты любовникъ, но и посланникъ Юпи-

терова;

еровъ; ты любовникъ но и сынъ. Улисеъ ѣетъ предметъ твоего удивленія, да будетъ онъ примѣръ твоего и поведенія: онъ предпочелъ отечество свое богинѣ и ному безсмертію. Сіе уподобленіе тебя трогаетъ: надобно сыскать тебѣ при- ну побудительнѣе: я ея нахожу въ Исменѣ. Познай сердце женское: онѣ лю- атъ славу; любовница самая страстнѣйшая вдается отчаянію, естьли любовникъ ея упуститъ случай пріобрѣсти оную. Она ропщетъ на сію свирѣпую славу, разлучающую ея съ предметомъ любви ея; она стонетъ, вздыхаетъ, обливается слезами; хочетъ, чтобъ онъ стоналъ, вздыхалъ и рыдалъ съ нею; но хочетъ, чтобъ онъ и ѣхалъ. Спроси Исмены, ты увидишь, обманываю ли я тебя.

Кратисѳенъ умолкъ: я чувствовалъ силу его разсужденій; былъ ими тронутъ, пронзенъ: но имѣлъ слабость не смѣть въ томъ согласиться. Молчаніе мое ему досаждало; но онъ сжалился на мое волненіе. Онъ увидѣлъ приближающагося къ намъ Сосѳена, и тотчасъ меня увѣдомилъ: я только что успѣлъ оправиться отъ моего смущенія, или по крайней мѣрѣ скрыть хоть часть онаго.

Мы обыкновенно послѣдніе узнаемъ о вещахъ до насъ касающихся. Сосѳенъ, кото-

которой, не токмо не думалъ о любви моей къ его дочери, коей онъ не зналъ ни начала ни возращенія, имѣлъ совсѣмъ другія о ней намѣренія; но боги не благоволили, чтобъ они совершились. Подойдя къ намъ онъ намъ сказалъ, что все было изготовлено для жертвоприношенія, которое мы должны были принести завтра Юпитеру. Пройдя нѣсколько по саду, и разговаривая обыкновенно въ семъ случаѣ о вещахъ не важныхъ, вошли мы въ пиршественную салу. Я думаю, что сей обѣдъ былъ великолѣпнѣе всѣхъ ему предслѣдовавшихъ: я оставляю о немъ судить Кратисѳену. Что принадлежитъ до меня, я не видалъ ничего кромѣ Исмены. Я дѣлалъ всѣ неистовства человѣка лѣтъ моихъ начинающаго еще любить; я дѣлалъ ихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ обѣщался дѣлать ихъ меньше. Осторожнѣе нежели я, Исмена не допустила, чтобъ они были примѣчены. Естьли рука моя останавливалась на рукѣ ея, она ея скромно и безпритворно снимала; естьли я смотрѣлъ на нея, она потупляла глаза; естьли я хотѣлъ говорить съ нею, она отворачивалась при малѣйшемъ подозрительномъ движеніи. Взоры ея мнѣ сказывали, что за мною примѣчаютъ; я иногда принуждалъ себя на минуту, по крайней мѣрѣ думалъ, что себя принуждаю:

ждаю: безмѣрно хвалилъ себя за свою скромность, и льстился, что одна Исмена читала во глубинѣ моего сердца. Сколь любящіе сумозбродны! Они себѣ воображаютъ тогда, когда всего себя показываютъ, что любовь покрываетъ завѣсою глаза всѣхъ тѣхъ, кто ихъ примѣчаетъ, и что они однихъ себя имѣютъ свидѣтелями своихъ дѣйствій.

Собрали со стола. Я не знаю, ѣлъ ли я; и естьли бъ не коснулся я руки Исмениной, когда подносила она мнѣ кубокъ, не зналъ бы я и того пилъ ли я: но знаю только что я получилъ вз[illegible]ръ отъ Ис[illegible]ы. Богиня, коей нѣжныя чувствованія перешли въ мое сердце, о Венера! ты, коей страстныя и сладостныя выраженія производятъ въ безсмертныхъ столько жъ дѣйствія сколько и твои прелести, Исмена жа меня воззрѣла: ты дала мнѣ чувствовать сладость сего взора, научи меня узнать онаго цѣну.

Сосоенъ взявъ меня за-руку говорилъ мнѣ тако: Исменіасъ, три уже дни прошли какъ ты здѣсь; мы имѣемъ обычай употреблять сіе время къ воздаянію посланникомъ божескимъ чести достодолжной ихъ лицу и званію. Плѣнясь, имѣвъ тебя между нами, вѣрь, чтобъ мы никогда разстаться съ тобою не хотѣли: но надлежитъ,

лежитъ, чтобъ веселія гостепріимства уступили должностямъ закона. Поѣдешь завтра въ Еврикомъ; Самодержецъ богоны требуетъ отъ насъ тамъ жертвы: постарайся успокоиться съ Кратисоеномъ. Сказавъ сіе меня оставляетъ.

Громовой ударъ, упадшей съ трескомъ къ ногамъ путешествователя объятаго тьмою не столько его поразитъ какъ поразили меня нещастныя слова сіи. Безъ гласа безъ движенія, я думалъ, что смерть ударомъ лютой косы своей низвергла меня въ преисподняя тартара. Сей безмолвной горести наслѣдуютъ вопль, болѣзненны стенанія. Нѣтъ, возопилъ я, нѣтъ, не покину я Исмены: жизнь моя связана с ея присутствіемъ; я хочу и жить и умереть съ нею.

Она между тѣмъ прогуливалась; я ее увидѣлъ, и увѣрялъ, что она была одна ты ли это, говорю я ей, дражайшая Исмена? Она убѣгаетъ, не отвѣтствуя мнѣ я удерживаю ея за ея одежду, хочу схватить у ней поцѣлуй. Исменіасъ, сказала она мнѣ улыбнувшись, почитай свое званіе, почитай по крайней мѣрѣ священныя украшенія онаго, ничто тебя ни унимаетъ. Стоитъ ли поцѣлуй напасти, которой ты себя и меня подвергаешь? Насъ подозрѣваютъ; можетъ быть, и теперь

видятъ.

тидатъ. Исменїасъ, ты меня не слушаешь. Сколь ты различенъ съ тѣмъ, что ты былъ вчера? Скроменъ и стыдливъ, ты не смѣлъ взглянути на меня. Между тѣмъ какъ она такъ говорила, я держалъ руку ея въ рукахъ своихъ; я ея сжималъ, я ея цѣловалъ, я омочалъ ея своими слезами. Увы! говорилъ я ей, воздыхая, я плачу очень дорого минуту удовольствїя: я тебя ужъ вѣчно не увижу; я завтра отъѣжжаю въ Еврикомъ. Да и я туда же ѣду, перервала она, вырвясь у меня. Я слышу шумъ, не смѣю за нею гнаться, это былъ Кратисѳенъ, которой лежалъ подъ густою миртою, и поколебалъ ея вѣтвями. Онъ подходитъ ко мнѣ: я не узнаю его въ темнотѣ; я укрываясь отъ него, боясь не невольникъ ли это Сосѳеновъ. Можно ли, говоритъ онъ мнѣ съ лукавою насмѣшкою, движенїе листочковъ тебя пужаетъ! Эта очень мала причина покинуть любовницу, съ которою ты, можетъ быть, навсегда разстаешся. Раздѣли мою радость, отвѣчаю я ему: Исмена ѣдетъ съ нами, я слышалъ сїе отъ нея самой. Помоги мнѣ ея сыскать, можетъ быть, она еще въ саду. Нѣтъ, нѣтъ, повторяетъ онъ, я не буду тебѣ слѣдовать, твое дѣло бдѣть, а мое спать: я оставляю тебя съ лучшимъ помощникомъ

съ

съ любовїю. По семъ онъ отъ меня уходитъ.

Я пробѣгаю всѣ дороги, всѣ окольности; я останавливаюсь, прикладываю ухо, не слышу ничего. Я кличу Исмену, она мнѣ не отвѣчаетъ; я безпокоюсь, смущаюсь. Не прошло еще минуты, какъ я видѣлъ: но можно ли то довольно видѣть что любишь? Я долженъ былъ завтра съ нею отъѣхать, но сїе завтра казалось мнѣ весьма отдаленно; я обвинялъ боговъ обвинялъ Исмену: потомъ чтобъ оправдать ея, говорилъ я себѣ: она не знаетъ, что ты ея ищешь, она не знаетъ, повторяю тотчасъ я, не должна ли она то себѣ вообразить.

Наконецъ по многихъ жалобахъ и безполезномъ исканїи, я думалъ, что она возвратилась въ покои. Я обманывался, она мнѣ послѣ сказывала, что боясь меня, боясь самой себя, она имѣла силу воспротивиться; что любовь стенала въ ея сердцѣ видя себя жертвуемую добродѣтели; что она сама отъ того стенала, и что безъ одной изъ ея невольницъ, которая къ ней пришла. Она бы, можетъ быть, не въ силахъ была преодолѣть удовольствїе дать себя найти. Любовь, естьли то правда, что ты воспламеняешь сердца только для того, чтобъ здѣлать ихъ щастли-

упшливыми, для чего предаешь ты ихъ боязни и предразсужденію.

Я проводилъ всю ночь не возмогши закворить глазъ своихъ. Сонъ или боится или почитаетъ любовниковъ: онъ знаетъ, что они предпочитаютъ дарамъ его, овладающую ими задумчивость, въ семъ состояніи, душа плѣненная, восхищенная внѣ самой себя, сообщаетъ тѣлу сладкую забывчивость, которая служитъ ему вмѣсто покоя. Сія слабость, сей восторгъ лучше чувствуется нежели изображается.

Смятенной шумъ голосовъ, возвѣстилъ мнѣ, что настало уже время вставать. Сосоенъ войдя въ покой мой удивился, увидя меня еще на постелѣ. Исменіасъ, сказалъ онъ мнѣ, все изготовлено къ отправленію нашему; одѣвайся итти въ храмъ. При дверяхъ его нашли мы весь Авликомъ насъ ожидающей. Мы входимъ въ оной среди восклицаній. Пышность дня сего равна была великолѣпію дня моего прибытія: я получилъ тѣ же почести; я не могъ получить вящшихъ. Исмена не могла со мною говорить, но я читалъ въ очахъ ея, что они ей льстили, что она ихъ себѣ присвоивала: любовь дѣлаетъ все общей между любовниками.

По совершеніи жертвоприношенія, мы сѣли на корабль. Мореплаваніе было благо-

тополучно. Корабль нашъ усмотренъ былъ издалече; берегъ былъ покрытъ множествомъ народа. Исмена была удивленіе и радость всѣхъ ея увидѣвшихъ. Я представилъ моихъ гостепріимцовъ отцу моему, разсказалъ ему съ чувствительнѣйшимъ видомъ, какимъ образомъ былъ ими угощенъ. Темисѳей возблагодарилъ ихъ въ словахъ столь исполненныхъ его чувствительностію, что они думали будто онъ дѣлалъ для нихъ больше нежели они для меня дѣлали. Діанфія осыпала ласканіями Исмену, она не могла перестать хвалить и цѣловать ея: я былъ къ тому ревнивъ; но цѣлуя ея самъ, казалось мнѣ, что она была только хранительница поцѣлуевъ Исмениныхъ, и что я ихъ всѣ собралъ съ устъ ея.

Между тѣмъ какъ принималъ я поздравленія о моемъ возвращеніи, отецъ мой показывалъ Сосѳену свой домъ и садъ; тотъ и другой были его расположенія. Не было въ немъ сихъ поразительныхъ красотъ, коимъ столько удивляются въ сихъ великолѣпныхъ зданіяхъ, гдѣ славолюбивые Греки равняются, а нынѣ и превосходятъ великолѣпіе царей Азійскихъ. Все въ немъ было просто безъ небреженія, чисто безъ пышности, полезно безъ издивенія; вкусъ и премудрость хозяинова

награждала недостатокъ украшенїй. Сооенъ прїобыкшей у себя къ великому и чудному, смотря на сїе воздохнулъ. О Темисоей, вскричалъ онъ, сколько мнѣ стоило сокровищъ, чтобъ здѣлать домъ менѣе прїятной нежели твой! Блаженны люди, которые инаго не любятъ и иному не слѣдуютъ, кромѣ одной природы.

Сїе размышленїе родило другїя, кои довели ихъ нечувствительно до часа ужина. Сѣли за столъ; я не скажу ничего о пированїи. Строгость нравовъ Темисоеевыхъ изгнала изъ онаго всѣ излишества: однако не изключила ни нѣжности ѣствъ ни чистоты приборовъ. Премудрой ни скупъ ни расточителенъ; другъ порядка, онъ учреждаетъ по нему всѣ дѣла свои. Наконецъ естьли мы старались ни упустить ничего, что требуетъ дружество и гостепрїимство, то мы имѣли удовольствїе видѣть гостей чувствительными и благодарными.

Разговоръ былъ прїятенъ и веселъ. Такъ всегда беседуютъ отличные достоинствами своими люди, которые другъ друга почитаютъ, и которые начинаютъ взаимно себя любить. Мы взирали съ удовольствїемъ, Исмена и я, на союзъ раждающейся между нашими родителями, которой льстилъ и нашему. Обманчивая надежда,

надежда, фортуна вела насъ путемъ усыпаннымъ цвѣтами къ ужасной пропасти изъ коей вся сила любви едва могла насъ изторгнуть.

Около третей стражи ночи, родители наши и всѣ прибывшіе изъ Авликома, пошли во храмъ Юпитеровъ; я за ними не слѣдовалъ, посольство мое отъ того меня освобождало. Что принадлежитъ до Исмены, она спала, потому что благопристойность не дозволяетъ дѣвицамъ казаться ночью въ народѣ. Случай былъ благопріятенъ; я имъ воспользовался; я зналъ, что любовь, доставляющая оной, не хочетъ, чтобъ его упускали. Я вхожу въ покой ея; она пробужается и испускаетъ крикъ. Не дѣлай шума, говорю я ей тихимъ голосомъ, это я. Ты это, пресѣкла она съ удивленіемъ, а гдѣ жъ Сосоенъ и Панфія? Они пошли приносить жертву повелителю боговъ; но мы, прекрасная Исмена, не принесемъ ли оной любви? Да продолжалъ я, посвятимся мы ему всѣ. Поцѣлуй не допустилъ ея мнѣ отвѣтствовать. Сколь онъ былъ страстенъ, сколь сладостенъ! Сколько повторенъ былъ разъ. Любовь! коль первоначатки даровъ твоихъ восхитительны. Пріятности ихъ услаждаютъ. Перемѣна ихъ возобновляетъ.

Мы

Мы были одни, я былъ молодъ, любилъ, имѣлъ желанія; Исмена чувствовала опасность оныхъ. Она хочетъ вырваться изъ рукъ моихъ; она видитъ, что ея сердце и ея силы ей измѣняютъ, она стенаетъ, испускаетъ глубокія воздыханія, обливается слезами, прибѣгаетъ къ моленіямъ. Чего она мнѣ ни насказала для утоленія жару моего? Боги! сколь она казалась прелестна препятствуя щастію моему! Самыя ея супротивленія дѣлали ея еще пріятнѣе. Чего не можетъ страстная и добродѣтельная любовница надъ нѣжнымъ любовникомъ. Я удерживаюсь. Невольники утѣхъ своихъ! Вы меня порицаете; но я не ищу хвалы вашей.

Исмена, не столь утѣсняемая, говоритъ мнѣ: дражайшій Исменіасъ, теперь то знаю я, сколь ты меня любишь. Даръ сердца моего будетъ цѣною власти, которую ты мнѣ далъ надъ своимъ: царствуй надъ сердцемъ симъ, царствуй въ немъ одинъ, утверждаясь на непоколебимой моей вѣрности. Боги не дали родиться столь страстному и столь чистому пламени, чтобъ здѣлать его нещастнымъ: они увѣнчаютъ свои благодѣянія, соединяя насъ вѣчными сими цѣпями, кои они одни составить сильны. Вопросимъ ихъ ускорить время оныхъ. Нетерпѣливость

моя облегчитъ твою. Поди, прими
семъ поцѣлуѣ залогъ обѣщанія моего. У
продолжала она печальнымъ видомъ, с
можетъ будетъ послѣдней, которой т
получишь отъ твоей Исмены. Раздѣляю
насъ навсегда. Темисфей не зная огн
нашихъ или не благоволя на нихъ, мо-
жетъ быть въ сію минуту, избралъ те-
бѣ невѣсту прелестнѣе и совершеннѣе ме-
ня. Свирѣпой, ты согласился, но что
говорю? Какъ ты можешь отрещися?
не ставлю сего тебѣ въ преступленіе: жи-
ви благополучно, забудь меня. Я не хо-
чу, чтобъ воспоминаніе нещастной отравля-
ло забавы твои: да можетъ любовь из-
обрѣтать ихъ для тебя всегда новыя! Про-
сти, дражайшій Исменіасъ; выдь отъ ме-
ня, день наступаетъ: могутъ насъ за-
стать. Прости упражненная о тебѣ мысль
снѣдаемая горестію своею, вѣрная клят-
вамъ своимъ, я стану провождать плаче-
вные остатки увядающей молодости въ
слезахъ и сокрушеніяхъ. Но теченіе оной
не долго продолжится. Естьли жъ я имѣю
какую нибудь силу надъ тобою, не плачь
о утратѣ моей; она зло для однихъ ща-
стливыхъ любовниковъ.

Нѣтъ, сказалъ я ей, нѣтъ прекрасная
Исмена, не разлучатъ меня съ тобою. Отецъ
мой меня любитъ, щастіе мое ему драго-

цѣнно,

дѣнно, вмѣсто того, чтобъ меня принуждать онъ не забудетъ ничего, чтобъ убѣдить твоего даровать тебя моимъ желанїямъ. Темисеей знатной природы; богатъ, имѣетъ добродѣтели; свойство его не можетъ быть презрительно: но наконецъ естьли Сосеенъ не найдетъ меня тебя достойнымъ, естьли моя надежда будетъ обманута. Свидѣтельствуюсь сею любовїю, которую ты въ меня вселила, свидѣтельствуюсь сими прелестьми, кои я обожаю, что Исменїасъ не будетъ никогда ни къ кому пылать, кромѣ возлюбленной своей Исмены. Ты хочешь, чтобъ я увѣрялся на твоемъ сердцѣ. Что жъ не увѣряешся ты на моемъ? Твоя вѣрность отвѣтствуетъ тебѣ за мою; я бы любилъ тебя хотя бы ты и невѣрна была. Конечно, естьли бъ Юпитеръ оставилъ меня повелителемъ судьбы своей, естьли бъ онъ позволилъ мнѣ избирать изъ всѣхъ богинь, я предпочелъ бы имъ Исмену. Естьли бъ Венера сама предлагала мнѣ безсмертїе, я лучше бы любилъ умереть съ Исменою, нежели быть безсмертнымъ съ Венерою.

Приспѣло уже время намъ разстаться. Едва лишъ я успѣлъ вытти изъ ея комнаты, какъ возвратились изъ храма. Я пошелъ лечь спать. Никакой сонъ не могъ быть столь покоенъ какъ мой. Да не сказыва-

зываютъ мнѣ что видятъ въ снахъ щастливыя или нещастливыя предзнаменованія добра и зла, хотящаго съ нами случиться. Я видѣлъ все пріятное.

Надеженъ въ сердцѣ Исмениномъ сладкое спокойство блистало на лицѣ моемъ. Кратисѳенъ тѣмъ шутилъ; я вывелъ его изъ заблужденія. Но веселіе мое скоро миновалось. Сосѳенъ, обращаясь къ отцу моему въ присутствіи насъ всѣхъ, говорилъ ему тако: это не намъ, но Юпитеру, коему относятся всѣ почести, кои ты намъ воздалъ, вина твоихъ благодѣяній, онъ будетъ вина и награжденія твоего; поспѣшимъ возблагодарить ему новымъ жертвоприношеніемъ. Важныя дѣла отзываютъ меня въ Авликомъ: дщерь моя не знаетъ, что оное единственно до нея касается; обнадеженъ въ ея послушаніи, я помолвилъ ея, не сказывая ей о томъ. Молодой человѣкъ, коего я ей опредѣляю, пріятенъ; имѣетъ нравы, природу, разумъ, онъ ко мнѣ привязанъ, я даю себѣ болѣе сына нежели зятя. Онъ убѣждаетъ меня сдержать ему слово; я спѣшу его исполнить. Угодно ли вамъ, чтобъ ничего не доставало къ ихъ благополучію? Почтите бракъ ихъ вашимъ присутствованіемъ; и ты прелестной Исменіасъ, приди украсить торжество его.

Что

Что сталъ я при словахъ сихъ? Смертельной хладъ разсыпался по всѣмъ моимъ чувствамъ: не знаю примѣчено ли было мое изумленіе, знаю только, что оно было неизповѣдимо; Исмена, сраженная симъ нечаянным ударомъ, закрывъ глаза свои руками, притворила жестокую головную болѣзнь: ея уносятъ, кладутъ въ постелю. Панфія встревоженная болѣзнію своей дочери, которая ежеминутно усугубляется, остается при ней, и едва оставляетъ ея и то съ великимъ сожалѣніемъ, чтобъ итти въ храмъ. Между тѣмъ какъ туда собираются, я укрываюсь, меня кличутъ, я не отвѣчаю, и не разсуждая, какой подвергаюсь тѣмъ напасти, я прокрадываюсь въ комнату Исменину.

Другъ друга тѣсно обнявши, стеня омываясь слезами, воздыханія наши были долгое время одни наши изъясненія. Какое стѣсненіе сердца! какое состояніе! Любовь ты зрѣла чрезвычайность скорбей нашихъ; они тебя тронули. Ты могла ихъ окончить: но ты хотѣла насъ искусить.

Какъ бы что дорого ни было, никогда оно не бываетъ драгоцѣннѣе какъ въ то время, когда его теряешь. Я то возчувствовалъ въ сію минуту. Прелести Исмемины блистали новымъ сіяніемъ: я

не видывалъ ея еще никогда столь пр
красною. Я не любливалъ ея еще никог
столь ослѣпленно. Ея молчанїе, ея п
чаль, смутные и томные ея взоры в
усугубляло мою любовь и мое отчаянїе.

Увы! говорилъ я ей, предчувствїя тво
были весьма справедливы: насъ разлучаютъ
Исмена; ты боялась меня лишиться; но
тебя лишаюся. Другой станетъ владѣт
симъ сердцемъ, которое должно было одно
му мнѣ. Онъ станетъ имъ владѣть, и ты
будешь дѣлать щастїе другаго. Исмена,
можешь ли ты на то соизволить? Я самъ
могу ли не умря о томъ вздумать? Или
ты не вѣришь этому. День, которой освя
титъ плачевной бракъ сей, будетъ послѣ
дней въ жизни моей. Какъ! похищаютъ
у тебя твою любезную, а ты плачешь
слабой Исменїасъ! Ты не имѣешь другаго
прибѣжища кромѣ своихъ слезъ? Пусть
по крайней мѣрѣ смерть соперника твоего
предваритъ твою; пусть у самаго прага
олтарей мирты его превратятся въ ки
парисъ. Раздраженная любовь, есть са
мая свирѣпѣйшая изъ боговъ. Ярость моя
не пощадитъ ничего: трепещи, Сосѳенъ
. . . . . Онъ мнѣ отецъ, возопила Исмена;
его лице должно быть для тебя священ
но: не обвиняй его злоключенїями нашими;
онъ въ нихъ не виненъ, онъ не знаетъ, что

тѣ

ты меня любишь. Онъ не знаетъ, что я тебя люблю, перервалъ я съ восхищенїемъ! Ахъ! Развѣ онъ не знаетъ, что я тебя видѣлъ и что у меня есть сердце.

По минутномъ молчанїи, Исмена говоритъ мнѣ: напасти отдаленныя смущаютъ разумъ, но напасти предстоящїя его совсѣмъ уничтожаютъ; не токмо не могу я заклинать тебя пользоваться своимъ разсужденїемъ, я не могу употребить и своего: я такъ какъ ты чувствую всю ужасть опредѣленїя нашего; смотри, естьли средство спасти себя отъ нещастїя намъ угрожающаго: я предаюсь всему что любовь твоя внушитъ тебѣ: я предаюсь тебѣ во всемъ. Сїе усиленїе страсти, ей весьма много стоило: цвѣты лица ея разсыпаются, глаза затворяются; она теряетъ дыханїе; сїе ея состоянїе отягчаетъ меня страхомъ и горестїю; я почитаю ея мертвою; хочу умереть самъ. Любовь остановила вылетающую ея душу: она возвратила ей жизнь. Я хотѣлъ было изъявить мою радость и мое благодаренїе. Исмена продолжала: почто тратить неоцѣненное время: подумай, что всякая минута дорога намъ; употребимъ ихъ въ пользу. Прости; разстанемся теперь на часъ, чтобъ намъ послѣ никогда не разлучаться.

Наполнен тысящами предпрїятїй, ко все казались мне не трудны, но кои был легки в одном моем воображенїи, иду во храм. Жертвоприношенїе началос Уже кровь закланных жертв лилас в сосуды, на то прїуготовленные. Уж священный жрец, усматривая во внутрен ностях их щастливое предзнаменованїе принуждает Сосфена исполнить благо прїятное богам сочетанїе. Вдруг вели кой орел опускаясь быстрым паренїем на дымящїяся внутренности, их раз терзывает, разметает и похищает остаток в ногтях своих. Священной нож падает из рук жрецовых; он бежит далече от олтаря: невзапной страх объемлет умы всех предстоя щих; трепет является на лице самых отважнейших: не слышно ничего кроме стенанїя и вопля; каждой ожидает на себя нещастїй, предвозвещенных сим чу дом. Беды предстоят одной только мне, вопїет Панфїа. Безсмертные боги! вы осуждаете брак, в коем я положи ла всю свою надежду. О дщерь моя! о злощастная Исмена! Какая напасть тебя ожидает! Это не внутренности жертвы разтерзал орел, он разтерзал мою внутреннюю. Защитник невинности, ты проницаеш сердца наши; какое престу

пленїе

тленіе мы сотворили? Умягчись нашими слезами; укроти ярость свою, или излей ея на одну меня; пусть дастъ ей вторичную жизнь смерть моя. Говоря сіе она терзаетъ на себѣ волосы, бьетъ себя въ грудь, катается по землѣ: ея окружаютъ, подъемлютъ, стараются ея утѣшать; но она ничего слышать не хочетъ.

Между тѣмъ всѣ ободряются. Сіе произшествіе, сперва столь страшное, не имѣетъ больше ничего ужаснаго. Это одно дѣйствіе случая, ничего неявляющей знакъ; можетъ быть, еще это и щастливое предвѣщаніе. Таково есть непостоянство множества: предметъ ихъ ужаса, чрезъ минуту дѣлается предметомъ ихъ надежды.

Всѣ разходятся изъ храма, мы препроводили Сосѳена и Панфію. Онъ не меньше былъ объятъ печалію: но горесть его сокрыта была наружно; однимъ только женамъ и любовникамъ рыдать позволено. Мы нашли Исмену утопающую въ слезахъ: невольница пересказала ей все приключеніе. Сокрушеніе матери ея трогало ея больше нежели знаменіе: опредѣленная мнѣ слѣдовать, оно утверждало побѣгъ ея. Въ смущеніи, въ коемъ мы находились, она нашла время спросить меня, что я здѣлалъ; я отвѣчалъ ей, что я

уже учредилъ все съ Кратисоеномъ и что вскорѣ . . . . Я не могъ довершить : отецъ ея кликнулъ ея, я пожалъ у ней руку читалъ въ глазахъ ея, что она укоряла меня медленностїю. Поди, любезная дщерь, помоги мнѣ успокоить мать твою. Она летитъ за нимъ къ ней, обнимаетъ ея, отираетъ ея слезы, заклинаетъ самыми трогающими и нѣжнѣйшими причинами, не вдаваться отягченїю своему. Нѣтъ, говоритъ она ей, боги для насъ несвирѣпы. Они справедливы : естьли они осуждаютъ предпрїятое вами бракосочетанїе, осудимъ его и сами ; вы можете сыскать другое, которое и имъ угодно будетъ : вопросимъ ихъ еще ; я готова вамъ повиноваться, щастїе мое мнѣ столь дорого, сколько оно вамъ прїятно. Мы удивляемся мудрости словъ сихъ, соединяемся съ нею. Панфїа насъ внемлетъ, и попускаетъ себя уговорить. Препровожденная въ покой ея для возпрїятїя отдохновенїя, я затворяюсь съ Кратисеномъ. Будучи свидѣтель или слышатель всего, что происходило между Исменою и мною, я бы могъ избавить его отъ повѣствованїя сnaго : но упражненные самими собою любовники хотятъ всегда говорить о томъ, что льститъ имъ. Я воспоминаю ему рожденїе и успѣхи страсти

сти моей, первые наши страхи и наши первыя увеселенія, возвращеніе наше въ Еврикомъ, усердіе Темисоесево, ласканія Діанфіины; лестныя мысли, кои обѣихъ насъ обольщали; тайные наши разговоры, обѣщанія, клятвы; стремленіе моихъ желаній, удержанное ея цѣломудріемъ, такъ какъ и ея супротивленіемъ; неожидаемая рѣчь Сосоенова, бракосочетаніе его дочери, наше смущеніе, наше отчаяніе, предпріятія наши о бѣгствѣ, чудо явившееся въ храмѣ Юпитеровомъ, ужасъ нашъ и удивленіе. Наконецъ, говорю я ему: ты видишь двухъ нещастныхъ любовниковъ, кидающихся въ твои объятія; вспомоществуй намъ твоими совѣтами и твоею помощію: мы имѣемъ болѣе смѣлости нежели искусства, больше любви нежели разума; мы убѣгаемъ бездны, и безъ тебя мы ввергнемся въ другую. Встревоженъ, возмущенъ, востаютъ въ сердцѣ моемъ мрачныя предчувствованія, которыя меня трепетать заставляютъ: разлучатъ меня съ Исменой, я ея потеряю. О, дражайшей мой Кратисоенъ, услади горесть лютаго состоянія моего.

Чувствителенъ къ скорби моей, онъ меня утѣшаетъ, ободряетъ. Это не тебѣ, говоритъ онъ, мнѣ угрожаетъ устрашившее васъ чудо, это твоего соперника: онъ не

 будетъ

будетъ владѣть Исменою, боги исторгаютъ ея изъ рукъ его; ты со временемъ сопряжешся съ нею подъ щастливѣйшими предзнаменованіями: любовь и время оправдаютъ мое предвѣщаніе. Любовь и время, возопилъ я! ахъ! подумай, что она завтра ѣдетъ? Ну, такъ употреби старанїе Темисѳеево, присовокупилъ онъ. Говори самъ Сосѳену. Онъ далъ свое слово, перервалъ я, онъ не можетъ измѣнить ему не обезславя себя на вѣки. Однако, продолжалъ онъ, я не могу похвалить бѣгства твоего; оно бѣдственно и неосторожно. Эхъ! перервалъ я еще, сколь бы страшны ни были его слѣдствїя; все можно ли ихъ сравнять съ теперишнимъ нашимъ состоянїемъ? Злощастная Исмена! сугубо злощастнѣйшїй Исменїасъ! Все насъ оставляетъ, что мы будемъ? Кратисѳенъ пребываетъ недвижимъ, ничего мнѣ не отвѣтствуя: разсужденїе и соболѣзнованїе сражаются въ его сердцѣ; я чту въ очахъ его, что оно жестоко волнуется. Я его обнимаю, онъ умягчается: я его убѣждаю, онъ воздыхаетъ: усугубляю свои моленїя, онъ больше не противится. Ты преодолѣваешь, говоритъ онъ мнѣ; надобно оказать тебѣ свирѣпую услугу, коей ты отъ меня требуешь: да благоволитъ милость боговъ, не навести на меня за то наказанія.

нія. Ты сей вечерѣ отправишся сѣ Исменою; есть вѣ нашемѣ пристанищѣ одинѣ корабль, отплывающей вѣ Сирїю. Я пойду уговорюсь сѣ хозяиномѣ; впрочемѣ я имѣю у себя гостя страны той, у коего мы найдемѣ безопасное убѣжище. Какѣ, отвѣчалѣ я ему внѣ себя, и ты ѣдешь сѣ нами? Кратисфенѣ ѣдетѣ сѣ нами? Боги! вы совершаете ваши благодѣянія. Любовь и дружба совокупляются, здѣлать меня щастливѣйшимѣ изо всѣхѣ смертныхѣ.

Необходимо было для заключенїя праздника принесть еще жертву вѣ храмѣ Апполлоновомѣ. Мнѣ хотѣлось отѣ того освободиться, и пользуясь симѣ временемѣ увѣдомить Исмену о нашихѣ разпоряженїяхѣ: но Дїанфїя усмотря меня велѣла мнѣ дать руку Панфїи вѣ смущенїи, вѣ которомѣ я находился, едва могѣ я говорить: казалося, что всѣ слова мои измѣняли мою тайну. Во время отправленїя дѣйствїя, я погруженѣ былѣ вѣ глубочайшей задумчивости: сїе приняли за благоговѣнїе, за почтенїе кѣ закону; мнѣ удивлялись, представляли меня вѣ примѣрѣ. Сколь худо люди проникаютѣ вѣ сердца человѣческїя! То самое, что привлекало хвалы ихѣ, раздражало провидящихѣ боговѣ.

 По

По совершенiи жертвоприношенiя все разошлися. Ночь мнѣ способствовала; никогда не покрывалась она столь мрачнымъ покровомъ. Всѣ были объяты симъ первымъ сномъ, которой есть самое совершеннѣйшее подобiе смерти. Я вхожу въ покой Исменинъ. Наконецъ, говорю я ей: напасти наши преходятъ: вскорѣ сами себѣ повелители, не будемъ мы страшиться мучительства родителей нашихъ. Кратисѳенъ учреждаетъ все къ нашему отправленiю; онъ тотчасъ возвратится. Вмѣсто отвѣтствованiя она вздыхаетъ. Всѣ слѣдствiя предприятiя ея представляются ея воображенiю: она ихъ ужасается. Поѣдетъ ли она одна со мною, ища убѣжища среди варваровъ, покрыть себя вѣчнымъ поношенiемъ? Она зритъ ярость Сосѳенову, и отчаянiе Пантiино. Она дѣлаетъ себѣ напередъ всѣ укоризны, кои заслуживаетъ бѣгство столь дерзновенное и столь безславное. Самъ ты дражайшiй Исменiасъ, самъ ты, говоритъ она, которой меня нынѣ убѣждаешь, будешь первѣе тѣмъ порицать меня. Я свидѣтельствуюсь небомъ, ручаюсь богами въ немъ обитающими, что естьли бъ добродѣтель, безъ которой самая нѣжнѣйшая любовь есть преступленiе, тому не супротивлялась, не было бъ больше для меня щастiя, какъ

тебя любить и быть тобой любимымъ; но сїя строгая добродѣтель, сїя добродѣтель всемогущая надъ сердцемъ моимъ, повелѣваетъ то иначе: покоримся ей: и естьли она намъ умереть не запрещаетъ, умремъ лучше сохраня ея.

Я надѣялся, что ласки мои разсыплятъ сумнѣнїя ея; ласки мои были безполезны. Я воспоминаю ей ея клятвы; она воспоминаетъ ихъ сама, но для того, чтобъ въ нихъ разскаяться, чтобъ ими возгушаться: я прибѣгаю къ слезамъ, къ моленїямъ; они служили только зделать ея еще непоколебимѣе.

Крашисенъ прибываетъ, и находитъ насъ въ семъ колебанїи: онъ присоединяетъ свои усилєнїя къ моимъ. Исмена тронута, но неубѣждена. Не устрашаетъ ея опасность; но останавливаетъ должность. Ночь углубляется, часъ проходитъ; я перехожу отъ одного къ другому, я прошу, угрожаю, но ничего не прїобрѣтаю. Винюсь передъ любовїю. Въ безпорядкѣ, въ коемъ я былъ покушался я употребить насилїе. Я размышляю, что она возопїетъ, и что насъ услышатъ: еще побудительнѣйшая причина меня удерживаетъ; я боюсь разгражить ея. Наконецъ по упорномъ сопротивленїи, и когда уже мы отчаялись склонить ея, свѣдываетъ, она,

что

что и Кратисеенъ будетъ намъ спутешествовать. Любовь ждала сей минуты для побѣжденія. Она подаетъ мнѣ руку; мы выходимъ никѣмъ невидимы; достигаемъ пристанища; садимся на карабль. Юпитеръ, рекли мы единогласно, покровительствуй двумъ странствующимъ любовникамъ, коихъ ярость судьбины или лучше твой оракулъ гонитъ ихъ изъ отечества. А ты Нептунъ повели волнамъ, чтобъ они насъ почтили.

Подымаютъ парусы: время было тихо, море не волновалось; казалося, что мы неслись на крыльяхъ зефировъ. Я былъ столь пронзенъ любовїю, столь восхищенъ веселїемъ, что забывъ всѣ прошедшїя свои скорби, почиталъ щастїе свое избавленнымъ отъ всякихъ смущенїй. Лежа у ногъ Исмениныхъ, и приклоня голову къ ея колѣнямъ, я предался самымъ сладостнѣйшимъ восхищенїямъ; изступленїе мое было мнѣ вмѣсто сна. Сколько ночь сїя имѣла прелестей! Сколько темнота ея потеряла и скрыла невинныхъ прїятствїй.

Такимъ образомъ протекли два дни. Какъ Исмена была находима всѣми прекрасною! какъ она раждала желанїя! и какъ я возъуждалъ во всѣхъ ревность! Между нами былъ славной живописецъ,

ѣдущей

ѣдущей ко двору Царя Персидскаго, чтобъ прославить въ немъ красотъ Греческихъ, онъ просилъ у Исмены дозволенія ея списать. Быстрота работы, не отняла ничего отъ совершенства произведенія. Это самая Исмена; она дышетъ, пріятствуетъ, плѣняетъ. Предметъ желаній всея Азіи, она торжествовать будетъ надъ нею. Какая льстящая мысль для любовника! Я зрю славу ея? Я ея раздѣляю съ нею: вскорѣ по противному совсѣмъ движенію слава сія меня оскорбляетъ, я не могу снести, чтобъ изображеніе ея досталось въ руки варваровъ; они его недойтоны, все, что уподобляется Исменѣ, не должно принадлежать никому кромѣ Исменіаса. Живописецъ примѣтилъ мое смущеніе: онъ прежде примѣтилъ любовь мою; пламя наше не было ужъ сокровенно. Я знаю, сказалъ онъ мнѣ, всѣ нѣжности любовниковъ, я самъ любилъ; вотъ изображеніе Исменинино; владѣй имъ одинъ, я тебя онымъ дарю.

Ужѐ матросы, увидя землю, наполняли воздухъ радостнымъ восклицаніемъ, ужѐ Кратисѳенъ указывалъ намъ храмъ Юнонинъ, владычествующей надъ всѣми зданіями города, въ которой мы должны были пристать. Здѣсь-то, говорилъ онъ намъ, богиня, хранительница клятвъ ва-

шихъ вскорѣ соединитъ васъ вѣчными узами. Боги Олимпа, боги моря, продлите одну минуту ваши благодѣянія. Увы! вы меня не внемлете.

Небо помрачается, вѣтры раздуваютъ; ужасная гроза подымается, она гремитъ и блещетъ; воздухъ воспаляется; волны ревутъ, мачты сокрушаются; корабль разверзается; смятеніе и ужасъ овладаютъ умами; мы соединяемся съ волнами погубить себя; искусство дѣлается безполезнымъ; перестаютъ дѣйствовать: одни испускаютъ пронзительной вопль, другіе ждутъ смерти въ посупломъ молчаніи: тѣ исполненныя своимъ отчаяніемъ, кленутъ боговъ; иные падъ ницъ ихъ умоляютъ.

Исмена была неприступна боязни, любовь занимала все ея сердце, она бросается ко мнѣ въ объятія. Я взираю на смерть безтрепетно, говоритъ она мнѣ, я ея достойна, сколь скоро, сколь строго ни послѣдуетъ наказаніе, оно будетъ всегда мало въ сравненіи съ моимъ преступленіемъ; я умираю безъ роптанія: но разсуждай до какой чрезвычайности я люблю тебя, что умираю безъ раскаянія; то, что я здѣлала, я бы въ состояніи была здѣлать еще: все я для тебя оставила, Исменіасъ; я жалѣю объ одномъ только

тебѣ.

тебѣ: подражай моему примѣру. Умремъ безробостно, умремъ любя другъ друга. Естьли прiятно жить съ тѣмъ, кого любишь, прiятно съ тѣмъ и умирать.

Кормщикъ лишася всей надежды, собираетъ всѣхъ ѣдущихъ на кораблѣ. Боги, говоритъ онъ дрожащимъ голосомъ, боги разгнѣваны; погибель наша неизбѣжна: Юпитеръ вооружилъ на насъ всѣ стихiи, ничто не можетъ насъ исторгнуть изъ рукъ его. Нептунъ не столь неутолимъ: возобновимъ обыкновенiе, которое бывало всегда спасительно: принесемъ ему за избавленiе всѣхъ одну жертву: посмотримъ на кого падетъ жребiй. Похваляютъ рѣчь его, сносятъ съ стремленiемъ имена свои въ нещастную урну; всякъ лешитъ къ смерти, чтобъ тѣмъ избѣгнуть ея. Первое имя, которое вынимается изъ сего страшнаго сосуда: буду ли я имѣть силу не умеревъ оное выговорить? Первое имя было, имя Исменино.

Отягченъ несноснѣйшею печалiю я похищаю ея во внутренность корабля. Вознамѣрясь лучше дать себя растерзать въ части, нежели предать ея. Страхъ раждаетъ свирѣпство. Тѣ, кои вчера не постояли бы за жизнь свою, чтобъ только ей понравиться, были первыя просить смерти ея. Вопiютъ явно, что законъ нарушенъ:

шенъ: воображаютъ себя, что всякая отлагаемая минута усугубляетъ жестокость буреванія. Кратисфенъ хочетъ за нея говорить; но вмѣсто чтобъ его слушать, грозятъ и его съ нею низвергнуть.

Между тѣмъ Исмена выбивается изъ рукъ моихъ, я не могу ея удержать. Она разбиваетъ толпу, и обращаясь къ кормщику, говоритъ ему: права твои не будутъ нарушены. Не бойся никакого сопротивленія съ стороны моей; жизнь Исменїасова соединена съ моею смертію. Исполняй должность свою. Нептунъ требуетъ своей жертвы, она готова, что медлишь ты принести ея? Сїи были послѣднія слова. Два матроса ея схватили. Что дѣлаете, вы варвары? уже море поглотила корысть свою. Боги! соизволяете ли вы на сїи страшныя жертвоприношенія? А есть ли вы ими гнушаетесь, для чего не потребите вы нечестивыхъ, посрамляющихъ васъ приношеніемъ оныхъ! Но вы укрощаете бурю! Спасеніе смертныхъ зависитъ ли отъ беззаконія? А вы чудовища, меня удерживающія, вы справедливо супротивляетеся ярости моей; она бы здѣлала безполезнымъ ужасное сїе благодѣяніе. Кормщикъ повелѣваетъ мнѣ молчать; я хочу броситься на него. Наложите на него оковы вскричалъ онъ. При

семъ

семъ словѣ я дѣлаю себѣ оружїе изо всего, что попадетъ мнѣ въ руки. Фурїи меня воспламеняютъ, змѣи ихъ свистятъ вокругъ меня, ужасъ и трепетъ имъ соспутствуютъ. Новая сїя напасть является страшнѣе минувшей.

Силы мои мнѣ измѣнили; я былъ окруженъ множествомъ. Отмщенїе мое требовало крови; принуждаютъ меня ограничить его однимъ безсильнымъ воплемъ. Чтобъ отъ того избавиться, пристаютъ къ берегу, высаживаютъ меня на землю. Кратисфенъ! тебѣ не позволяютъ за мною слѣдовать; естьли бъ что нибудь могло меня утѣшить, то бы утѣшенїе мое былъ ты.

Горесть доведенная до крайности дѣлаетъ нечувственнымъ: я храню изумленное молчанїе, пребываю недвижимъ. Плачевное состоянїе, стократно свирѣпѣйшее волнованїе! Вскорѣ отчаянїе мое укрѣпляется новыми силами, горы наполняются моимъ ревомъ; онъ повсюду раздается; львы и тигры ему откликаются; боги его слышатъ, и имъ не тронутся. Муки сихъ славныхъ преступниковъ, кои безотрадно гонимы ихъ правосудїемъ, несравненно сноснѣе нежели мои; я ношу весь адъ въ сердцѣ моемъ. Ахъ! Но чемъ я столько виненъ? Я любилъ, я люблю еще; только

ко ли моего беззаконія. О Юпитеръ! Давно ли нѣжныя сердца здѣлались предметомъ мщенія твоего? Раздражаешся ли ты когда тебѣ подражаютъ? А ты, богиня морей, снесешь ли, чтобъ Нептунъ впустилъ въ свое владычество тебѣ соперницу? Пользы наши общи; возврати мнѣ Исмену. Купидонъ, чемъ ты теперь упражняешся? Ревнуя къ красотѣ Исмениной, мать твоя удерживаетъ тебя въ Пафосѣ. Она предалась тебѣ; ты мнѣ ея обѣщалъ. Не вѣдаешь ли ты, что ея у насъ похищаютъ. Лети во внутренность жилищъ Нептуновыхъ: требуй возвращенія стяжанія твоего. Но что я дѣлаю. Почто обращаюсь къ богамъ свирѣпымъ и неслышащимъ? Исмена ужъ нѣтъ тебя, ужъ нѣтъ: я былъ причиною погибели твоей. Одна смерть моя можетъ очистить злодѣяніе мое; естьли я ея отлагаю, то на то чтобъ продлить бѣдность мою: я бы увидѣлся съ тобой въ Олимпѣ или въ поляхъ Елисейскихъ, но я войти туда недостоинъ.

Одинъ Богъ, коего не просилъ я о помощи, сжалился надо мною. Другъ смертныхъ, онъ предзаряетъ часто желенія ихъ, чтобъ имъ отдаться. Власть его безпредѣльна: онъ торжествуетъ надъ тѣми, коихъ любовь покорить не могла; онъ царствуетъ

ствуетъ среди ужаснаго смятенїя оружїя: страшной шумъ бунтующихъ бурь его не возмущаетъ. Юпитеръ самъ чтитъ его, и это его благотворенїемъ, что самые нещастнѣйшїе, не взирая ни на щастїе ни на судьбу дѣлаются богамъ подобными.

Покой, коимъ я наслаждаяся, былъ чрезмѣрно сладостенъ, чтобъ могъ быть продолжителенъ. Вдругъ блестящей свѣтъ меня осѣняетъ: Купидонъ раздѣляя воздухъ, кажетъ мнѣ Исмену. Престань жаловаться, я тебѣ ея возвращаю. Сказавъ сїе онъ улетаетъ. Устремя глаза на Исмену, я вкушалъ удовольствїе на нея смотрѣть не имѣя силы изобразить онаго: казалось, что она сама тщетно усиливалась говорить со мною. Но мы оба ничего не теряли въ семъ невольномъ молчанїи. Наши взоры, наши воздыханїя, наши восхищенїя были тѣмъ живѣе, страстнѣе, восхитительнѣе. Исменїасъ, говоритъ она мнѣ наконецъ, я жива и тебя люблю Какъ! возопилъ я! Это ты . . . . Все изчезаетъ, пробудяся я нахожусь въ кораблѣ среди Ефїопскихъ разбойниковъ, у коихъ я невольникомъ. Такъ-то немилосердые боги играете вы слабыми смертными. Однако удивляюсь я тишинѣ, царствующей въ моемъ сердцѣ: я печаленъ, но печаль моя спокойна;

и

и вЪ самую ту минуту, какЪ я долженЪ лишиться всей надежды, я противЪ воли своей всего надѣюся.

Держа весло вЪ рукахЪ, взиралЪ я болѣзненно на соучастниковЪ нещастія моего. Чрезмѣрно безсиленЪ, чтобЪ раздѣлить съ ними работу ихЪ, я былЪ однимЪ только зрителемЪ. Что жЪ сказалЪ мнѣ одинЪ варварЪ ударяя меня, развѣ тебя здѣсь только смотрѣть поставили? Я нахожу силы вЪ своемЪ изтощеніи; удары его перестаютЪ. О, СосѳенЪ, боги свирѣпо мнѣ мстятЪ за обиду, которую я тебѣ здѣлалЪ! О, отче мой! да можетЪ быть тебѣ невѣдомо безчестное состояніе, вЪ которое приведенЪ сынЪ твой!

Корабль, на которомЪ я отъѣхалЪ изЪ Еврикома, причаливЪ кЪ берегу для исправленія поврежденій причиненныхЪ бурею, продолжалЪ путь свой: мы за нимЪ гнались; его настигли; сЪ нимЪ сразились; сраженіе, продолжавшееся чрезЪ два часа, дѣлаетЪ насЪ его овладателями. Я знаю, что мщеніе принадлежитЪ однимЪ только богамЪ; знаю, что они его себѣ предоставили: но я былЪ столько разъяренЪ на кормщика, сего лютаго творца всѣхЪ злоключеній моихЪ, что я не могЪ видѣть его невольникомЪ, безЪ нѣкотораго удовольствія. Безчеловѣчное сіе увеселеніе усту-

ступаетъ скоро мѣсто новымъ горестямъ. Кратисѳенъ изъязвленной, умирающей представляется глазамъ моимъ: осматриваютъ его раны; судятъ ихъ смертельными; хотятъ его ввергнуть въ море. Я вопію, что это славной Грекъ. Надежда выкупа остановляетъ смерть его: а боги и мои попеченія жизнь ему возвращаютъ.

Въ слѣдующей день грабители держали совѣтъ: маленькой городокъ, лежащей близъ берега, былъ жертвою ихъ ярости и корыстолюбія; мужья, жены, даже до младенцовъ, все обращено въ рабство: расхищаютъ, жгутъ, убиваютъ. Сей злощастной городъ сталъ одна только груда каменья, пожираемая пламенемъ.

Возсѣдши на корабль, раздѣляютъ они корысти: молодые люди употреблены къ греблѣ; жены съ дѣвицами разведены особо; одни для продаянія, другія для служенія увеселеніямъ своимъ повелителемъ, старики, или тѣ, коихъ раны ихъ, дѣлали безполезными погубляются безъ милосердія и вметываются въ море. Нещастія мои не изтощили еще всѣхъ слезъ моихъ; сіе зрѣлище у меня оныя исторгло; они ихъ раздражили, и я понесъ наказаніе своего сожалѣнія.

До чего не разпространилась чрезмѣрность ихъ роскошей! Я содрагаюсь еще при воспоминаніи ихъ разговоровъ и ихъ

дѣйствїй. Я, говорилъ Кратисѳену: нечестивые сами себя казнятъ за свое нечестїе; пьянство и сонъ предаютъ нашихъ тиранновъ къ намъ въ руки: естьли мы имѣемъ смѣлость желать быть вольными, мы и будемъ. Кратисѳенъ меня похваляетъ; мы говоримъ о томъ своимъ товарищамъ. Одни, но въ самомъ маломъ числѣ горятъ съ нами соединиться; другїе почти всѣ робкїя и боязливыя души, предпочитаютъ невольничество удобному и славному предпрїятїю. Кто можетъ тому повѣрить? Были между ими столь подлые, кои хотѣли открыть симъ варварамъ заговоръ противъ ихъ составляющейся. Однако они не вѣдали напасти, которой они были подвержены.

Какъ скоро пары вина разсыпались, они помышляютъ избавиться своей добычи. Подымаютъ флагъ мира; входятъ въ пристанище Аврикома; даютъ и прїемлютъ залоги. Вскорѣ составляется обширной торгъ, гдѣ выложены драгоцѣнные уборы, золотые и серебряные сосуды, и все, что можетъ служить къ нуждамъ или къ сластолюбїю человѣческому; другъ у друга, перекупаютъ, похищаютъ: роскошъ не находитъ ничего, чтобъ было чрезмѣрно для нея дорого.

Невольники оставлены были на берегу. Сей сластолюбивой народъ цѣнилъ насъ

почти

почти ни во что. Кратисеенъ, которой былъ прекраснѣйшей изъ смертныхъ, былъ одинъ, котораго купили. Никто не торговалъ меня: я оставленъ былъ для новыхъ приключенiй.

Аврикомъ славенъ Храмомъ Дiанниными. При входѣ сего храма поставленъ золотой истуканъ, изображающей богиню естественно. Глава ея покрыта шлемомъ; одной рукою держитъ она щитъ, другою копiе; подъ ногами ея протекаетъ въ протокѣ усланномъ порфиромъ источникъ, коего волны бываютъ всегда колеблемы. Такъ-то разбойники испытывали молодыхъ дѣвицъ, коихъ они опредѣлили на продажу. Нѣжное испытанiе! изъ коего они однако всѣ вышли къ ихъ чести. Покровительница цѣломудрiя, ты обьявила ихъ непорочными, чтобъ предать ихъ поруганiю!

По нѣсколькомъ времени, я былъ самъ свидѣтель сего обряда: вотъ его описанiе. Тѣ, кои дерзали предаться искушенiю, увѣнчанныя лаврами, одѣтыя въ бѣлую одежду, входили въ источникъ: невинность ихъ дѣлаетъ ихъ славу и спасенiе. Дiанна имъ усмѣхается и простираетъ руку; онѣ выходятъ среди восклицанiй; но богиня мещетъ свирѣпой взоръ на виновныхъ. Устрашенныя видомъ ужаснаго копiя имъ угрожающаго: онѣ погружают-

ся паки въ волны, кои укрываются подъ ихъ дрожащими стопами: вѣнокъ съ нихъ упадаетъ, онѣ становятся предметомъ стыда и посмѣянія: и иногда отъ нескорой помощи, нещастно погибаютъ.

По возвращеніи съ обѣихъ сторонъ залоговъ, хищники садятся на суда обремененные сокровищами. Возгордясь послѣдними своими успѣхами, помышляютъ они о новыхъ предпріятіяхъ. Уже безчестныя соучастницы ихъ забавъ, пожираютъ съ нихъ все мерзостное ихъ богатство. Трепещите, нещастные Греки, кои въ нѣдрахъ домовъ своихъ живете безопасно. Покровительство боговъ хранителей вашихъ, защитить васъ не можетъ; оковы и смерть васъ ожидаютъ.

Буря пала на тебя, бѣдственой городъ Силенъ: изъящныя вѣна твои тебя прославили и причинили твое разрушеніе. Ты бы могъ спастися предавъ ихъ расхищенію: жители твои излишно уповали на храбрость свою; она имъ ни къ чему не послужила; они были всѣ избіенны, но вскорѣ ты отмщенъ будешь.

Мы видѣли сихъ злодѣевъ сидя на берегу празнующихъ посмѣяніемъ беззаконныя Оргіи. Бакхусъ не возмогъ стерпѣть, что сіи нечестивые ругались безнаказанно его служенію и его таинствамъ, онъ смущаетъ ихъ разумъ исполнясь яростію, они забыва-

бываютъ, что они братья, хватаются за оружїе, другъ на друга мечутся и падаютъ свирѣпствуя одинъ противъ другаго. Сраженїе Центавровъ не столь было кровопроливно. Толпа Грековъ, Греки сами вступаютъ въ разбойничество. Нечаянно на нихъ нападаютъ и довершаютъ ихъ истребленїе.

При видѣ семъ мы испускаемъ радостныя восклицанїя: разбиваемъ свои цепи; и мня найти избавителей въ убїйцахъ нашихъ тиранновъ, бросаемся къ нимъ въ руки. Но мы перемѣнили только невольничество. Тщетно взываемъ мы права нашей природы и нашего общаго отечества: они насъ не внемлятъ; принуждаютъ насъ войти въ корабль, коимъ они овладѣли, и привозятъ насъ въ Дафнополисъ.

Городъ Дафнополисъ посвященъ Аполлону и Дафнѣ. Любовь его къ сей нимфѣ весьма извѣстна, чтобъ я остановился описывать сїе приключенїе. Это было во внутренности его храма, гдѣ мы представлены были на продажу. Я бросаюсь на колѣни, и приношу ему сїе моленїе. Сынъ Юпитеровъ! ты зришь мое злоключенїе, тронись онымъ. Двукратно ужѐ невольникъ, я угрожаемъ третьимъ рабствомъ: не потерпи, чтобъ посланникъ отца твоего стеналъ во узахъ: умягчи сердца новыхъ

мо-

моихЪ владѢтелей: да вспомнятЪ они, что и они Греки, и что я имЪ равенЪ. Всемогущее божество, отЪ взора, коего ничто утаиться не можетЪ, что сталося сЪ Исменою? Естьли парка прервала дни ея, то не можно, чтобЪ кто нибудь изЪ боговЪ повелѢлЪ смерть ея: ты можешь исправить беззаконіе человѢческое, ты можешь мнѢ ея возвратить. БолѢзни, кои ты претерпѢлЪ отЪ любви, должны здѢлать тебя чувствительнымЪ кЪ моимЪ. ЧасЪ быть услышану еще не насталЪ. Отрываютъ меня отЪ олтаря, чтобЪ предать купившему меня гражданину: онЪ назывался ДимасЪ, а жена его Кризеиса.

Любопытство есть участь ея пола. Не успѢлЪ еще я войти, какЪ она меня вопрошаетЪ, кто я, откуда и по какому случаю нахожусь ихЪ невольникомЪ. Я потупляю глаза, смиренно прошу ея пощадить меня отЪ болѢзненнаго повѢствованія, которое ничего примѢчательнаго для нея содержать не можетЪ. ДимасЪ, я не могу его назвать своимЪ господиномЪ, ДимасЪ насЪ слушалЪ: отреченіе мое ему досаждаетЪ. ОнЪ на меня взираетЪ грозно. Докладываютъ ему, что поставлено кушанье: онЪ повелѢваетЪ мнѢ слѢдовать за собою: я повинуюсь. И тако сей ИсменіасЪ, которой за нѢсколько предЪ тѢмЪ мѢсяцовЪ, посланникЪ ЮпитеровЪ,

испо-

исполненной честїю и славою, видѣлъ себя первымъ за столомъ Сосѳеновымъ. Сей Исменїасъ, угощаемъ и любимъ Исменою, смѣшенъ съ подлыми невольниками, находится въ собственномъ своемъ отечествѣ, опредѣленной къ самымъ гнуснѣйшимъ должностямъ. Фортуна! такъ ли всегда играешь.

По окончанїи обѣда, онъ высылаетъ другихъ своихъ невольниковъ: я остаюсь одинъ. Я хочу, говоритъ онъ мнѣ, чтобъ ты мнѣ разсказалъ свои приключенїя: онѣ повеселятъ меня, покамѣстъ я не засну; берегись паче всего ихъ перервать. Властной сей приказъ далъ мнѣ горестнѣе всего прошедшаго чувствовать всю лютость судьбы моей. Глаза мои наполнились слезами: сердце мое стѣснилось; я не имѣлъ силы и жаловаться. Знай, продолжалъ онъ, что ты мой невольникъ, и сотворенъ мнѣ повиноваться: говори, или бойся, чтобъ наказанїе достойное твоей грубости не ненаучило тебя должности твоей. Разгнѣванной начальникъ есть весьма строгой учитель. О Димасъ! возопилъ я, да разсудятъ боги между тобою и мною. Я Грекъ: ты не имѣешь надо мною иныхъ правъ, кромѣ данныхъ тебѣ моимъ нещастїемъ и твоею несправедливостїю; хочешь ли ты, ставъ свирѣпѣе, продавшихъ меня варваровъ отнять у меня жизнь, ко-

 торую

торую они мнѣ противъ воли моей оставилы? Рази, родясь свободнымъ: я ужасаюсь меньше смерти, нежели рабства. Твердость моя понравилась Кризеисѣ; она за меня вступилась: Димасъ заснулъ, и я отошелъ съ одними угрозами.

Кризеиса была ужѐ не въ цвѣтущей молодости. Смотря на нея удобно было примѣтить, что она была прекрасна; хотя она сама думала, что была оною еще, однако не принуждала другихъ тоже о ней думать: она была тиха, жалостлива. Я получилъ отъ нея знаки милости, кои пронзили меня благодарностїю, и естьли я не разсказалъ ей всего, что до меня касалось, то сказалъ столько, что она могла быть довольна моею повѣренностїю.

Димасъ, которой меня не любилъ, обременилъ меня самыми тягчайшими работами: безотдохновенно упражненъ, я не могъ укрыться ни на одну минуту, чтобъ подумать о моихъ нещастїяхъ. Покрытъ худою одеждою, спя на голой землѣ, питаясь самою грубою и отвратительною пищею, казалось я долженъ быть умереть. Боги иначе то опредѣлили: и я еще тутъ испыталъ, что естьли изъ нѣдръ утѣхъ родятся горести, изъ нѣдръ горестей родятся утѣшенїя.

Ужѐ минуло сто дней, какъ я былъ въ семъ состоянїи. Наступалъ праздникъ Юпи-

Юпитеровъ. Какое для меня воспоминанїе! онъ не торжествуется въ Дафнополисѣ: но вмѣсто того торжествуютъ тамъ празднованїе Дафны, обряды ихъ почти одни: вся разность состоитъ въ выборѣ пословъ; Дафнопольскїе могутъ быть женаты! а Еврикомскїе должны быть юноши. Димасъ былъ назначенъ въ Артикомъ. Между тѣмъ какъ все приуготовляется къ его путешествїю, Кризеиса, не знаю какїя въ прочемъ были ея намѣренїя, смотря на меня, говоритъ ему: невольникъ сей, кажется мнѣ, разуменъ; онъ учтивъ, скроменъ, но такъ печаленъ, что я тебѣ совѣтую его оставить здѣсь. Задумчивой невольникъ всегда худое предзнаменованїе для своего господина; это по крайней мерѣ непрїятной видъ, которой ты будешь имѣть передъ глазами. Однако какъ онъ хвалится, что до селѣ бывалъ посланникомъ Юпитеровымъ, онъ бы могъ быть тебѣ полезенъ. Подумай съ собою, Димасъ отвѣтствуетъ ей: это обыкновенїе невольниковъ быть тщеславными и лжецами, и сей конечно ищетъ тѣмъ превознестися. Правда ли, продолжаетъ онъ оборотясь ко мнѣ, что ты былъ почтенъ священною должностїю, которую я теперь имѣю? Берегись присовокупить ложъ къ твоимъ другимъ порокамъ. О Димасъ! говорю я ему, да не допустятъ меня бо-

ти тѣмъ тебя удивить. Фортуна могла здѣлать меня нещастнымъ: но она не можетъ изгнать истинны изъ сердца моего. Не суди о людяхъ по внѣшности: добродѣтель не пренебрегаетъ невольническою одеждою. Да, продолжалъ я, я былъ посланникомъ Юпитеровымъ, и я получилъ всѣ почести, кои ты теперь восприимешь. они были источникъ моей бѣдности, да могутъ быть они источникомъ твоего благополучїя.

Сїи слова его утишили. Онъ дѣлалъ мнѣ другїе вопросы, и казался быть доволенъ моими отвѣтами. Я здѣлался ему любезенъ потому, что сталъ ему нуженъ.

Кризеиса хотѣла ѣхать съ нами: Димасъ тому воспротивился: мы отплыли безъ нея, и я уже больше ея не видалъ. Прибывши въ Артикомъ, онъ принятъ былъ съ равнымъ усердїемъ, какъ и я Сострать имѣлъ. Преимущество, Состратъ славнѣйшей и богатѣйшей гражданинъ Артикома! Онъ истощилъ все свое великолѣпїе для новаго своего гостя. Такъ меня принималъ, такъ меня угощалъ Сосоенъ. О Димасъ!! недоставало только къ твоей славѣ быть служиму Исменою! Что говорю я? Исменя тебѣ служила, она служила тебѣ такъ какъ невольница: но ты того не зналъ.

Родопа, дщерь Состратова, имѣла тысячу прелестей, и съ тѣхъ поръ какъ боги

воз-

возхитили отъ земли Исмену. Она составляла лучшее ея украшенie. Сколь ни блистательна была красота ея, но свойства души ея давали забывать о ней. Я на нея смотрѣлъ, я ея слушалъ съ удивленiемъ: но сердце мое не раздѣляло удивленiя чувствъ моихъ. Это была Венера: но не была Исмена. Любовь, ты знала, что она не выходила ни на минуту изъ памяти моей, и что я никогда не переставалъ ея оплакиватъ.

Увеселенiя, кои представляли Димасу, оставляли мнѣ нѣкоторое отдохновенiе: я употреблялъ сiе время вдаться мрачной печали, меня снѣдающей. Нѣкогда чая быть одинъ въ саду Состратовомъ, я далъ вольное теченiе своему сокрушенiю. Боги! говорилъ я, уже ли вы насытились! или мщенiе ваше пребудетъ такъ какъ вы вѣчно? Сколь я нещастливъ! Чувствительность моя умножается съ моею скорбiю. Сколь я завидую судьбинѣ тѣхъ, кои страждутъ не надѣясь на окончанiе своихъ мученiй: обманчивая надежда, меня прельщающая, несравненно жесточае самого ужаснѣйшаго отчаянiя.

Родопа въ то время прогуливалась въ окрестныхъ мѣстахъ: она услышала мои жалобы, была ими тронута, и призвала меня къ себѣ. Я сохранилъ сей видъ чистосердечiя, которой даетъ природа, и ко-

торой не истребляется нещастїемъ. Я къ ней подхожу, и вопрошаю ея, что она хочетъ отъ услугъ бѣднаго, котораго судьба привела въ несостоянїе ей изъявить оныхъ. Атрацесъ, говоритъ она мнѣ, такъ называли меня въ невольничествѣ, не трудно видя тебя проникнуть, что ты въ состоянїи тебя недостойномъ; и естьли я не обманываюсь, невольничество есть не са́мое злѣйшее изъ твоихъ злоключенїй: не могу ли я усладить оныя? Я предлагаю тебѣ всѣ по́мощи, отъ меня зависящїя. Великодушная Родопа, отвѣчаю я ей, это свойство благотворительныхъ сердецъ, умилятся надъ злостраданїемъ бѣдныхъ: сожалѣнїе твое обращается на меня для того, что я изъ числа̀ оныхъ. Я знаю всю его цѣну; но я его недостоинъ: я не могу имъ воспользоваться. Боги, коимъ ты подобна, боги, естьли они только могутъ чемъ нибудь еще одарить тебя, воздадутъ тебѣ за твои добродѣтели: я не дерзаю ихъ о томъ молить: я боюсь, чтобъ мои моленїя не были тебѣ бѣдственны. Я не имѣлъ больше силы удержать слезъ своихъ; я хотѣлъ удалиться: я укорялъ себя разговоромъ, въ коемъ Исмена не имѣла участїя. Родопа меня удержала, естьли бъ я имѣла, продолжала она власть боговъ, коимъ говоришъ ты, что я подобна, ты былъ бы свободенъ,

или

или по крайней мерѣ щастливъ: она закраснѣлась и потупила глаза̀ свои. Увы! отвѣтствую я ей, первое мнѣ нечувствительно, а второе не возможно. Ты имѣешь, присовокупила она, весьма худое мнѣнïе о моей силѣ? Нѣтъ, прерываю я, хотя бы ты была божество, но что бы ты возмогла одна противу всѣхъ? Атрацесъ, продолжаетъ она, ты думаешь, что нѣтъ ужѐ средства противъ твоихъ мученïй. Это общее заблужденïе всѣхъ нещастныхъ: повѣдай мнѣ свои скорби: я не знаю, не обманываетъ ли меня участïе, которое я въ нихъ прïемлю; но я почти могу тебѣ отвѣтствовать, что они кончатся прежде, нежели ты думаешь, и что я буду споспѣшествовать окончанïю оныхъ. О Родопа! возопилъ я, влекомъ непобѣдимымъ притяженïемъ: я не могу ни въ чемъ отрещись предъ тобою. Сïе повѣствованïе будетъ стоить мнѣ рыданïя, можетъ быть жизни; но ты будешь удовольствована.

Родопа, прилагала удивительное вниманïе плачевному извѣщанïю моихъ приключенïй. Сколь ни безмѣрна была красота ея, но мнѣ казалось, что она ревновала красотѣ Исмениной. Она смутилась при видѣ ея изображенïя: я его еще сохранилъ; она его разсматриваетъ, изумѣвается и говоритъ мнѣ холодно. Сïя

женщина чрезъестественно хороша, ей польстили. Нѣтъ, перервалъ я, не льстили ей, но уже больше нѣтъ ея. По сихъ словахъ темной облакъ покрываетъ глаза мои. Я падаю безчувственъ. Родопа кличетъ помощи, меня относятъ на постелю Димасову, Атрацесъ, говоритъ она мнѣ, не я ли причинила смерть твою? Она отирала лице мое, она клала свои руки на мое сердце, чтобъ оживить его; слезы текли противъ воли изъ очей ея. Я опаматываюсь; но не возмогши снести свѣта, упадаю вторично въ обморокъ. Сильнѣйшая рука, нежели Родопина, еще меня въ чувство приводитъ: я слышу голосъ, которой меня поражаетъ; я думаю его узнать: я обращаю вкругъ себя смутные свои взоры; я останавливаю ихъ надъ молодою невольницею, именуемою Сцилла, которая старается помочь обмертвѣвшей Родопѣ; я нахожу въ ней всѣ черты Исменины, это она, я не могу больше сумнѣваться. Обольщающая мысль, ты продолжалась одну только минуту! Вскорѣ я обвиняю глаза свои обманомъ, и сїе, плѣнившее меня увеселенїе, уже мнѣ кажется однимъ привидѣнїемъ, коимъ неукротимая ярость боговъ еще меня заблуждаетъ.

Невольницы Родопины отнесли ея. Димасъ пришелъ, я былъ блѣденъ и унылъ; но сей человѣкъ, коего естественная гор-

доcть

дость пріумножилась еще честію, которую ему воздавали, не унизилъ себя до того, чтобъ кинуть взоръ свой на невольника: онъ ничего не примѣтилъ.

Какъ скоро мнѣ позволено было войти паки въ садъ, я пошелъ пользуясь сею свободою вдаться размышленіямъ о томъ, что со мною приключилось. Я не хотѣлъ или не смѣлъ изслѣдывать чувствованій Родокиныхъ. То, что не бываетъ предметомъ нашихъ желаній, не подаетъ намъ ни страху ни надежды: я былъ столь нещастливъ, что не могъ ни перестать быть онымъ, ни быть больше нежели былъ.

Невольница, кою я видѣлъ, представлялась непрестанно въ умѣ моемъ: я ставилъ себѣ во зло о ней мыслить, и не мыслилъ ни о чемъ кромѣ ея. Я вопрошалъ у себя, что Силла имѣла общаго съ Исменою, и по какому своенравію воображаемое щастіе избавляетъ меня отъ подлиннаго нещастія; но я вопрошалъ себя безполезно. Я не совѣтовалъ съ своимъ разумомъ: я боялся, чтобъ онъ не разсыпалъ заблужденія, кое мнѣ было чрезмѣрно дорого, чтобъ отрещись отъ него добровольно; мнѣ пріятнѣе было совѣтовать съ своимъ сердцемъ. Однако я не былъ доволенъ его движеніями, въ нихъ было нѣкоторое смущеніе и неизвѣстность. Я не зналъ на чемъ я долженствовалъ утвердиться. Наконецъ разумъ

умЪ мой воспрїялЪ свои права: я стыдился несмысленной своей легковѣрности. НѣтЪ, говорилЪ я, ужЪ нѣтЪ больше Исмены: безмѣрно упражнясь о ней мыслїю, попустилЪ я овладѣть собою слабому подобїю. Боги не изторгли ея изЪ пропастей моря, чтобЪ предать ея невольничеству: они бы пренесли ея вЪ АвликомЪ, они бы возвратили ея плачу Паноїину. Исмена умерла, продолжалЪ я: небо не столь щедро на чудеса, чтобЪ показать столь великое вЪ мою пользу; станемЪ только оплакивать смерть ея.

Родопа не долгое время оставила меня вЪ невѣденїи, что я умѣлЪ ей понравиться. МогЪ ли я ожидать отЪ любви новаго сего своенравїя? Свирепой богЪ! Какое бѣдственное пламя вожжегЪ ты вЪ ея сердце? Угодно ли тебѣ дѣлать однихЪ только нещастливыхЪ? Родопа, ты любишь невольника! ты любишь неблагодарнаго! АхЪ! ты достойна лучшаго жребїя.

Плѣнясь, что природа моя соотвѣтствовала достоинству, коимЪ я долженЪ былЪ одному ея предупрежденїю: она увѣряетЪ себя, что умершая Исмена не можетЪ устоять противЪ красоты ея, противЪ дара сердца и руки ея: она не зритЪ болѣе препятствїя страсти своей, она меня ищетЪ. хочетЪ мнѣ то извѣстить. Я ея убѣгалЪ не ради того, чтобЪ

я подозрѣвалъ ея удобну толикой слабости; но она была прїятна, а самое легчайшее отдаленїе моей горести казалось мнѣ преступленїемъ.

Она не могла воспротивиться нѣжной своей нетерпѣливости: она ко мнѣ отписала. Силлѣ было поручено отнести ко мнѣ письмо ея. Исменїасъ, говоритъ она, подавая его мнѣ, Родопа, госпожа моя, здравїя тебѣ желаетъ. Какой звукъ голоса! какой видъ! О небо! возопилъ я, возвращаются ли мертвые къ жизни? Ты ли это дражайшая Исмена? Но кто жъ бы другая меня узнала? кто жъ бы произвела такое движенїе въ моемъ сердцѣ? Какое божество возвращаетъ тебя любви моей. Родопа не даетъ ей времени мнѣ отвѣтствовать: она насъ усматриваетъ; она не имѣетъ силы отнять у себя удовольствїе меня видѣть и мнѣ говорить; она съ прїятностїю разсуждаетъ сама въ себѣ, что я прочелъ письмо ея, что я знаю о страсти ея, что я раздѣляю восхищенїя ея: она подходитъ къ намъ.

Присутствїе ея насъ смущаетъ: мы мгновенно переходимъ отъ радости къ изумленїю: она примѣчаетъ. Наше движенїе, она на насъ смотритъ и сама изумѣвается: ярость блистаетъ въ очахъ ея. Мы трепещемъ. Исмена удивительнымъ вымысломъ извлекла насъ изъ замѣ-

шатель-

шательства въ столь нѣжномъ обстоятельствѣ. Безпорядокъ нашъ васъ удивляетъ, говоритъ она ей; но вы бы на насъ сжалились, когда бы знали того причину. Исменїасъ мнѣ братъ. Разлученны другъ съ другомъ свирѣпостїю рока, мы не уповали никогда свидѣться; но, увы! простите слезамъ нашимъ; радость свиданїя нашего уступаетъ горести нашего невольничества.

Родопа укрощается, подозренїя ея разсыпаются, она поздравляетъ меня съ столь прелестною сестрою, и не сумнѣваясь, чтобъ надежда вольности не обязала ея служитъ ей въ разсужденїи меня, она осыпаетъ ея ласканїями. Исмена притворяется и все обѣщаетъ. Разговоръ ихъ продолжался долго: я его не слыхалъ. Они отдалились отъ меня на нѣкоторое разстоянїе. Я на нихъ взиралъ, сколь они были обѣ прекрасны! да не раздражится тѣмъ Исмена. Всякъ, кромѣ одного меня, не нашелъ бы между ими разности.

Сколь любовница легко даетъ себя обмануть одною наружностїю! Родопа думаетъ, что она уже касается своего благополучїя: радость умножаетъ ея прелести. Она ищетъ въ глазахъ моихъ какихъ ни есть страстныхъ взоровъ, кои бы обнадежили ея побѣду: она ихъ не находитъ, она хочетъ на то жаловаться. Остатокъ стыда

ея

ея удерживаетъ, наконецъ уходитъ и оставляетъ насъ однихъ.

Прекрасная Исмена, сказалъ я тогда: разскажи мнѣ, какимъ щастливымъ произшествïемъ избѣгла ты отъ ярости моря, и какою несправедливостïю судьбины ты невольница въ домѣ Состратовомъ. Нѣтъ, отвѣчаетъ она мнѣ: повѣсть моихъ приключенïй займетъ время, которое мы должны употребить вкусить сладость нашего соединенïя, сладость взаимной любви нашей, и возможность говорить о ней другъ съ другомъ. Мы послѣ помышлять будемъ о средствахъ избавить себя отъ состоянïя, въ которое мы ввергнуты. Начни притворяться, что ты любишь Родопу, льсти любви, которая можетъ быть намъ полезна: нелюби ея, но дай ей вѣрить, что ты ея любишь. Боги будутъ имѣть попеченïе о прочемъ. Въ истинну, говорю я ей усмѣхаясь, ты съ удивительнымъ искусствомъ исправляешь свою должность. Ты можешь, отвѣчаетъ она мнѣ тѣмже голосомъ, дѣлать тоже самое для Сострата, что я дѣлаю для Родопы. Какъ, перервалъ я, Состратъ тебя любитъ! сколь я боюсь слѣдствïя сей страсти. Господинъ имѣетъ ужасныя права надъ невольницею: ты ему подвластна, я дрожу. Исменïасъ, продолжала она важнѣйшимъ лицемъ, не попустимъ заразить себя злымъ ядомъ грызу-

грызущей ревности: я не боюсь Родопы, ты не долженъ бояться Сострата. Могли бы насъ застать, мы разошлися.

Благополучїя связаны одни съ другими. Тотъ же день я нашелъ Кратисѳена, которой заплатилъ свое искупленїе. Радость наша была равна нашему удивленїю: любовь не отняла ничего отъ восхищенїя дружества. Мы разсказали другъ другу взаимныя наши нещастїя: онъ спросилъ меня, писалъ ли я къ Темисѳею? Нѣтъ, говорю я ему: я лишился Исмены: я ни о чемъ иномъ не думалъ, какъ только умереть: я теперь только нашелъ ея. Онъ удивился услыша, что я такъ говорилъ: онъ думалъ, что потерянїе Исмены смутило умъ мой: онъ хотѣлъ, сожалѣя о мнѣ, утѣшать меня. Я вывелъ его изъ заблужденїя. Нѣтъ, дражайшей мой Кратисѳенъ, нѣтъ, говорю я ему: Исмена не умерла, но она невольница. Естьли бъ я не боялся тебя задержать, я бъ доставилъ тебѣ удовольствїе ея увидѣть. Поди извѣсти нашихъ родителей, что мы живемъ, но живемъ во узахъ. Онъ обѣщалъ мнѣ стараться насъ примирить, и обязать Темисѳея и Сосѳена притти насъ избавить. Мы другъ съ другомъ разстались, здѣлавъ самыя нѣжнѣйшїя и искреннѣйшїя другъ другу увѣренїя, и оказавъ всѣ знаки взаимной горячности, которые могутъ

другъ другу подать два сердца, соединенныя согласïемъ нравовъ и добродѣтелïю.

Я не могу больше жить безъ Исмены: я искалъ ея вездѣ: я не упускалъ ни одного случая съ нею говорить. Повѣренность Родопы, разныя упражненïя Сострата, обязаннаго ходить повсюду съ Димасомъ, все облегчало намъ средства другъ друга увидѣть. Между тѣмъ Исмена говорила мнѣ, что мы должны вести себя съ большею осторожностïю. Я чувствовалъ, что она имѣла причину; но я восхищаемъ былъ любовïю, она сама не примѣчала, что размышленïя ея не препятствовали ей пребывать со мною.

Спокойство сердца дастъ живость разуму. Мы имѣли сïи сладкïе разговоры, коихъ одни любовники знаютъ прямую цѣну. Я ей разказывалъ все, что происходило между Кратисѳеномъ и мною. Надежда скораго освобожденïя давала намъ забывать наше невольничество: мы почитали ужè себя вольными: укрощенные боги давали намъ напередъ чувствовать во всей своей непорочности сладость благъ намъ прïуготовляемыхъ.

Иногда мы разговаривали о Родопѣ. Исмена пересказывала мнѣ всѣ лестныя рѣчи, кои она ей отъ меня говаривала. Мы другъ друга укоряли нашимъ обманомъ и при всемъ томъ выдумывали новые. Есть-

ли я украдывалъ у нея поцалуй, и я крадывалъ ихъ не рѣдко: она меня спрашивала, не велю ли я отнести его къ Родопѣ. Да, говорилъ я ей, сжимая ея въ своихъ объятїяхъ; и естьли она хочетъ чего нибудь больше, я не могу отказать ни въ чемъ ея посланницѣ. Нѣтъ, отвѣчала она мнѣ вырываясь у меня. Я не столько еще отъ нея уполномочена.

Я не токмо не прочелъ письма ея, но еще его и не развертывалъ. Исмена хотѣла его видѣть: мы нашли его наполненымъ остротою и чувствованїемъ. Въ немъ видна была и страсть, но изображена съ такимъ достоинствомъ, что самой строжайшей наблюдатель благопристойностей, порицая ея, ей бы удивлялся. Я говорилъ Исменѣ: Родопа моглабъ выбрать кого нибудь изъ самыхъ знатнѣйшихъ Грековъ, и здѣлать щастїе всякому, на кого бы только палъ ея выборъ. Я можетъ одинъ, которой ея любить не можетъ, и я одинъ, котораго она любитъ.

Она насъ подслушивала. Сколь велика была ея горесть! Предатели, говоритъ она намъ, боги судятъ о васъ праведно: вы достойны быть только невольниками: бойтесь справедливаго моего гнѣва, надобно васъ только предать судьбѣ вашей. Неблагодарные! я отягщу узы ваши и разлучу васъ на вѣки. Нѣтъ, вы не будете

купно

купно наслаждаться свирѣпымъ удовольствїемъ, ругаться моею слабостїю. Я не внемлю ничего, кромѣ моего мщенїя: я хочу, естьли возможно, здѣлать васъ столько нещастными, сколько вы здѣлали меня презрительною.

Великодушная Родопа, говорю я ей, обнимая ея колѣни: мы не стараемся оправдать себя предъ тобою, мы виновны. Любовь причиною нашего преступленїя; она одна можетъ изходатайствовать намъ прощенїе: ты можешь насъ погубить или спасти. Чѣмъ меньше заслуживаемъ мы помилованїе, тѣмъ достохвальнѣе тебѣ будетъ намъ даровать оное. Боги насъ соединили: совершите начало ихъ, здѣлайте насъ щастливыми.

Родопа хранила молчанїе: она смотрѣла безъ всякаго движенїя на лїющїися наши слезы. Мы ожидали съ трепетомъ опредѣленїя, или жизни или смерти нашей: она насъ оставила не произнеся онаго.

Кратисѳенъ еще не возвращался. Намъ оставался одинъ только день пробыть въ Артикомѣ. Естьли бъ Родопа сказала одно только слово Сострату, мы бы погибли; но мы послѣ не имѣли усерднѣе покровительницы. О Родопа! да буду я забвенъ отъ Исмены, естьли я позабуду твои къ намъ благодѣянїя.

Мы

Мы достигали до предѣла нашего избавленія: оно приключилось въ самое то время, когда мы наиболѣе быть отдалены отъ него чаяли. Уже оканчивалось торжественное жертвоприношеніе, долженствующее заключить посольство и почести Димасовы. Онъ хотѣлъ отъѣхать и увозилъ меня съ собою: я лишался Исмены. При концѣ чиноучрежденія, слышанъ вопль двухъ огорченныхъ матерей, требующихъ возвращенія дѣтей своихъ. Сокрушеніе ихъ тронуло всѣхъ ихъ слышащихъ. Всѣ мятутся, ропщутъ. Тогда Сосѳенъ и Темисѳей приближаются къ олтарю. Собранной народъ, возгасилъ отецъ мой, Сострать и Димасъ дерзаютъ имѣть невольниками двухъ гражданъ. Не потерпите, чтобъ такъ нарушали преимущество всей Греціи; а ты, священноначальникъ Аполлоновъ, повели, чтобъ намъ ихъ возвратили.

Сострать и Димасъ взываютъ право войны, которое ихъ поставило нашими повелителями. Они отрекаются насъ отдать. Вспомоществуемы своими друзьями, кои къ нимъ пристаютъ, они въ состояніи исторгнуть насъ изъ святилища, куда мы прибѣгли. Народъ супротивляется Димасу, сама Родопа противится отцу своему, Діанѳея и Панѳія совокупляютъ съ нею свои усиленія. Звукъ смятен-

шенныхъ голосовъ раздается по всему храму; раздоръ воспламеняетъ умы; несправедливость готовится торжествовать. Жрецъ не можетъ укротить мятежа: онъ помаваетъ рукою, что хочетъ говорить; на силу его слышно: наконецъ почтенїе превозмогаетъ; всѣ умолкаютъ. Таковы суть наши законы, возглашаетъ онъ, Грекъ не можетъ быть невольникомъ въ отечествѣ своемъ; но естьли Димасъ и Сократъ не утвердятся на рѣшенїи моемъ, великїй Апполлонъ, яви имъ высочайшую волю твою. Тогда восходитъ онъ на ужасной треножникъ: разумъ его смущается; глаза его заблуждаются, все тѣло его волнуется, онъ падаетъ на землю; и исполнясь божественною яростїю въ него вдохнувшуюся, онъ произноситъ сей оракулъ, или точнѣе сїе опредѣленїе. Исмена и Исменїасъ да будутъ свободны, и да возвратятся Сосѳену и Темисѳею. Судьба наша рѣшилась; мы свободны. Димасъ яряся исходитъ изъ храма и возвращается въ Артикомъ. При имени Сосѳеновомъ Сосшратъ воспоминаетъ, что отцы ихъ соединены были священными узами гостепрїимства: онъ обязательно жалуется намъ, что мы скрыли отъ него нашу природу. Другъ друга познаютъ, обнимаются; поздравляютъ: миръ возстановляется, на-

родъ

родъ утекаетъ, священноначальникъ поемлетъ насъ всѣхъ къ себѣ.

По первыхъ восхищенїяхъ радости, говорятъ о нашихъ приключенїяхъ. Верьховной жрецъ проситъ меня разсказать оныя тѣмъ, кои находились съ нами за столомъ. Я не заставилъ себя долго принуждать; и воспрїявъ обстоятельства съ перваго моего отъѣзда изъ Еврикома до самого того дня, удовольствовалъ совершенно ихъ любопытство.

Одна Исмена могла дополнить то, что не доставало къ моему повѣствованїю. Молчанїе наше довольно ей показывало, что мы ожидали, чтобъ она начала; она чувствовала, что не могла отъ того избавиться: но страхъ ея удерживалъ. Сосоенъ примѣтилъ ея отвращенїе: отцы не теряютъ никогда правъ своихъ; онъ ей говоритъ съ строгостїю: надлежало бы краснѣться прежде, чтобъ тѣмъ не допустить себя того здѣлать, что ты здѣлала, а не стыдиться о томъ разказывать повинуйся. Рѣчь сїя умножила робость ея: однако не взирая на свое смущенїе, она начала такимъ образомъ:

Когда я была ввержена въ море, ужасъ смерти отнялъ у меня силу чувствъ моихъ: я была долгое время игралищемъ волнъ, совсѣмъ того не ощущая. Какъ я опамя-

опамятовалась, я нашла себя сидящую на делфинѣ, которой носилъ меня по верьху моря. Я была столь изумленна, что дала ему на волю плыть куда хочетъ, не думая того совсѣмъ, что это, можетъ быть, тотъ, которой спасъ Аріона. Я почитала его за чудовище, хотящее пожрать меня; однако я крѣпко за него держалась. Крылатой младенецъ прилетѣвъ сѣлъ возлѣ меня: онъ привелъ къ берегу моего избавителя; я его тутъ познала: это былъ Купидонъ. Не милосердой творецъ скорбей моихъ, говорю я ему, хочешь ли ты подвергнуть меня новымъ заключеніямъ? Не довольно ли я претерпѣла? Для чего не далъ ты мнѣ умереть? Исмена, отвѣчаетъ онъ мнѣ, напасти твои суть дѣйствіе рока: я царствую надъ одними только сердцами; но не содержу судебъ во своей власти: ты увидишся съ Исменіасомъ. Онъ улетаетъ, оставя меня на необитаемомъ берегу.

Я пробыла тутъ нѣсколько дней въ ожиданіи смерти, какъ одинъ корабль представляется моему взору. Я воздѣваю руки на небо: меня усматриваютъ, приспѣваютъ мнѣ на помощь: я нахожу бѣдствующихъ едва избѣгшихъ бури, кою я претерпѣла. Какое зрѣлище! Не ожидайте, чтобъ я вамъ его изобразила. Крайность

бѣдности ихъ не воспрепятствовала имъ быть чувствительнымъ къ моей. Не токмо исправили они безпорядокъ одежды моей, они раздѣлили со мной нѣкоторые остатки снѣдей, кои море у нихъ пощадило.

Они не имѣли времени отдохнуть: морскïе хищники, или точняе сказать, дикïе звѣри, на нихъ нападаютъ. Какое могли они представить сопротивленïе? Смерть ихъ слѣдовала близко за ихъ невольничествомъ. Сïи страшные Еѳïопы, коихъ отъ одной мысли я содрогаюсь, оставили только одну меня. Я привезена была въ Артикомъ. Сострать видѣлъ меня увѣнчанную лаврами, при исхожденïи изъ потока Дïаннина; онъ купилъ меня для своей дочери: я нашла въ домѣ его окончанïе моихъ напастей. Прелестная Родопа, я не забуду никогда, что ты была моею госпожею; благодѣянïя твои прïобрѣли тебѣ надо мною вѣчныя права. Ты возвратила мнѣ вольность, но не освободила моего сéрдца.

Исмена ничего болѣе не сказала. Состратъ удивлялся скромности ея. Будь и ты моею дочерью, говоритъ онъ ей. О отче мой! возопила Родопа обнимая Исмену, ты даешь мнѣ опасную сестру: однако я ея столько люблю, что не позавидую

видую ей въ твоей горячности. Мудрой Рострать, сказаль ему Сосөенъ: почто я не имѣю для тебя сына! Сіе щастіе принадлежить благополучному Темисөею: Каллисөенъ, брать Исменіасовъ, одинъ достоинъ Родопы. Я обѣщаю себѣ отъ твоей дружбы, говорить Сострать, что ты обяжешь славнаго Темисөея, почтить меня свойствомъ своимъ. Твое, отвѣчаетъ ему отецъ мой, столь знамените, чтобы я никогда самъ не дерзнулъ его требовать. Между тѣмъ какъ они подавали другъ другу взаимные знаки своего содружества и искренности; и какъ Панфія и Діанөея проливали радостныя слезы, Родопа, сказала мнѣ, не будучи ни отъ кого услышана: по крайней мѣрѣ Исменіасъ, по крайней мѣрѣ ты будешь брать мнѣ. Я не имѣлъ времени ей отвѣтствовать: мы возблагодаря верьховнаго жреца, такъ какъ должно было за столь важную оказанную намъ отъ него услугу, отправились благополучно.

Исмена хотѣла проѣхать чрезъ Артикомъ и испытать еще приключеніе потока Діаннина. Я воспротивился безполезному искушенію, которое замедляло только моимъ щастіемъ; она была довольна моею довѣренностію: но ей хотѣлось имѣть новыхъ свидѣтелей своей добродѣтели.

Мы прибыли въ Авликомъ: я нашелъ тамъ возлюбленнаго своего Кратисѳена, коему жестокая горячка возпрепятствовала пріѣхать въ Дафнополисъ. Послали за Каллисѳеномъ, которой не ожидалъ, чтобъ это было для здѣланія его владѣтелемъ наипрекраснѣйшей дѣвицы въ свѣтѣ. Его и мое бракосочетаніе совершились въ одинъ день; это происходило въ садахъ Сосѳеновыхъ. Греція не видала еще столь огромнаго и великолѣпнаго позорища: но сколь торжественной сей день казался мнѣ долгъ, сколь великую нетерпѣливость празднованія дѣлаютъ любовникамъ, которые ждутъ только окончанія ихъ для совершенія своего блаженства! Будетъ ли конецъ дню сему, настанетъ ли для насъ ночь, говорилъ я Исменѣ? Оставятъ ли насъ когда нибудь однихъ? Сладчайшая ночь! ты ужѐ и прошла! Естьли всѣ за тобою послѣдующіе будутъ тебѣ подобны. Боги! я не буду завидовать и вашему состоянію.

КОНЕЦЪ.

